

Самая темная чаща

Автор:

[Холли Блэк](#)

Самая темная чаща

Холли Блэк

Мастера магического реализма (АСТ)

«Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес, – мимо ручья и поваленного дерева, кишящего мокрицами и термитами, – то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик – с рогами и острыми, как ножи, ушами.» – в детстве Хейзел думала, что этот мальчик – принц, и мечтала, что однажды он проснется, и будет мудро и справедливо править своим царством, и не будет таким жестоким и коварным, как многие феи и эльфы.

Хейзел выросла и забыла истории, которые сочиняла о рогатом мальчике. Всем известно, что он никогда не проснется. Но однажды это все-таки произошло...

Весь мир перевернулся вверх дном. И теперь Хейзел ждет все, что полагается в таких случаях: любовь, предательство и подвиги.

Холли Блэк

Самая темная чаща

Holly Black

The Darkest Part of The Forest

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA

Copyright © Holly Black, 2015

© М. Фетисова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

В этой книге темно и опасно.

Kirkus Reviews

Холли Блэк – признанный мастер магического реализма. Серия ее фэнтези-романов «Хроники Спайдервика», созданная в соавторстве с Тони Ди Терлицци, возглавила список бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс».

Саре Риз Бреннан, другу и вдохновителю

Ты что, дитя, считаешь, будто мы, замыслив зло, таились бы здесь, – вблизи тропы, ведущей в темный лес?

Кеннет Пэтчен

Глава 1

Если пойти тропинкой, ведущей в темный лес – мимо ручья и поваленного дерева, кишашего мокрицами и термитами, – то придешь к стеклянному гробу. Он стоит прямо на земле, а в нем спит мальчик – с рогами и острыми, как ножи, ушами.

Он всегда был там. Хэйзел Эванс узнала об этом от своих родителей, а те – от своих. И что бы кто ни делал – мальчик никогда, никогда не просыпался.

Хэйзел и ее брат Бен провели не одно долгое лето, растянувшись на крышке гроба: рассматривали спящего сквозь хрустальное стекло и, затуманивая его своим дыханием, строили великие планы – но и тогда мальчик ни разу не проснулся. Не просыпался он, и когда на него приходили поглазеть туристы, а разрушители легенд пытались доказать, что он ненастоящий. Он проспал все осенние выходные, когда девушки, вихляясь под звуки, скрежещущие из динамика телефона, танцевали прямо над ним, и не заметил, как Леони Уоллес подняла пиво высоко над головой, будто салютуя лесным призракам. Он даже не пошевелился, когда лучший друг Бена Джек Гордон накарябал на гробе нестираемым маркером: «В ЭКСТРЕННОМ СЛУЧАЕ РАЗБИТЬ СТЕКЛО», а Ллойд Линдблад схватился за кувалду, чтобы и в самом деле попробовать. Неважно, сколько вечеринок проходило вокруг рогатого мальчика. Одно поколение гуляк сменялось другим, в траве сверкали осколки десятков зеленых и янтарных бутылок, в кустах поблескивали раздавленные алюминиевые банки: серебристые, золотистые и ржавые; неважно, что случалось на этих вечеринках, – ничто не могло разбудить мальчика в стеклянном гробу.

Когда Бен и Хэйзел были совсем маленькими, они плели мальчику цветочные короны и рассказывали, как спасут его. Тогда они мечтали спасти всех жителей Фэйрфолда, которые в этом нуждались. Повзрослев, Хэйзел стала приходить к гробу только по ночам, в компании, но, глядя на неподвижное и прекрасное лицо мальчика, по-прежнему чувствовала, как сжимается что-то в груди.

Она не спасла его. И никого в Фэйрфолде не спасла.

– Эй, Хэйзел! – позвала Леони.

Не прекращая танцевать, девушка сделала пару шагов в сторону, чтобы на крышке гроба хватило места и Хэйзел – если та захочет присоединиться. Дорис

Альваро, все еще в форме болельщицы – накануне вечером их школьная команда потерпела поражение, – уже стояла там: в воздухе мелькали ее блестящие каштановые волосы, собранные в хвост. Разгоряченные выпивкой, обе пребывали в прекрасном настроении.

Хэйзел приветственно помахала Леони, но преодолела искушение залезть на гроб и смешалась с толпой.

Средняя школа Фэйрфолда была совсем небольшой, но ребята все равно делились на группировки (некоторые даже состояли из одного человека: например, Меган Рохас была единственным представителем сообщества готов). Однако на вечеринки собирались все – иначе никаких вечеринок бы не получалось. Впрочем, совместные гулянки отнюдь не делали их друзьями. Всего месяц назад Хэйзел была в девичьей банде, члены которой являлись в школу с густо подведенными глазами и в длинных сверкающих сережках, таких же ослепительных, как и их улыбки. Они поклялись друг другу в вечной дружбе и скрепили клятву липкой яркой кровью, высосанной из больших пальцев. Хэйзел отстранилась от них после того, как Молли Липскомб попросила ее поцеловать, а потом послать своего бывшего – но пришла в ярость, когда Хэйзел действительно это сделала.

Оказалось, что те, кого она считала подругами, хотели дружить только с Молли. Замысел Молли был всем хорошо известен, но они притворялись, что ничего не знали, и делали вид, будто это Хэйзел во всем виновата, будто она намеренно причинила Молли боль.

Хэйзел целовалась с парнями по сотне разных причин: они были милыми; она была слегка пьяна; ей было скучно; они ничего не имели против; это казалось забавным; они выглядели такими одинокими; на некоторое время это избавляло ее от всех страхов – она уже со счета сбилась, сколько поцелуев подарила. Но мальчика, который принадлежал кому-то еще, она поцеловала лишь однажды и больше не собиралась – ни при каких обстоятельствах.

Хорошо, что у нее есть брат, на которого всегда можно рассчитывать, хотя сейчас его и нет рядом: сегодня он в городе, на свидании с каким-то парнем, с которым познакомился в Сети. Еще у нее есть Джек – лучший друг Бена; правда, временами он сводит ее с ума. И Леони.

Полно друзей. Даже слишком много – учитывая, что, вероятно, не сегодня-завтра она исчезнет и покинет их всех.

Взвинченная этой мыслью, сегодня она не попросила никого подвезти ее на вечеринку, хотя это значило идти всю дорогу пешком: краем леса, мимо ферм и старых сараев для сушки табака, а потом – в самую чащу.

Стояла одна из тех ночей ранней осени, когда воздух пахнет лесным туманом вперемешку со сладким душком подгнивающих листьев, и все кажется возможным. На Хэйзел был новый зеленый свитер, любимые коричневые ботинки и дешевые серьги-кольца, покрытые зеленой эмалью. Распущенные рыжие кудри все еще отливали летним золотом, а когда она посмотрелась в зеркало, чтобы перед выходом подкрасить губы, то подумала, что и в самом деле выглядит очень даже ничего.

Лиз отвечала за музыку: она так гроыхала из телефона девушки, подключенного к колонкам ее старенького «Фиата», что деревья дрожали. Мартин Сильвер клеил Намию и Лурдес, явно надеясь на многообещающее продолжение, чему никогда – никогда, никогда – не суждено было сбыться. Молли смеялась в окружении подружек. Стивен, в забрызганной краской рубашке, сидел в своем грузовичке со включенными фарами и пил из фляги сивуху папы Франклина. Парень был слишком увлечен утолением печалей, чтобы бояться ослепнуть от этой дряни. Джек сидел со своим братом (вроде как братом) Картером, футбольным защитником, на бревне рядом с гробом. Они смеялись, и Хэйзел вдруг захотелось подойти и рассмеяться вместе с ними. Впрочем, еще ей хотелось танцевать и... не разбирая дороги, бежать домой.

– Хэйзел, – позвал кто-то.

Обернувшись, девушка увидела Робби Дельмонико. Улыбка застыла на ее лице.

– Никак не мог тебя найти. Хорошо выглядишь. – Казалось, его это обидело.

– Спасибо.

Робби знал, что она его избегала, отчего чувствовала себя ужасно – но с тех пор, как они поцеловались на той вечеринке, он таскался за ней с печатью скорби на лице, и от этого становилось еще хуже. Она его даже не бросала, ничего

подобного, – Робби ведь никогда не предлагал ей встречаться. Просто грустно на нее пялился и задавал дурацкие наводящие вопросы вроде: «Что ты делаешь после школы?» А когда Хэйзел отвечала: «Да так, просто болтаюсь без дела», никогда ничего не предлагал и не намекал, что был бы не прочь заглянуть в гости.

Вот почему все вокруг думали, что Хэйзел пойдет с кем угодно, – из-за поцелуев с парнями вроде Робби Дельмонико.

Но тогда это казалось неплохой идеей.

– Спасибо, – чуть громче повторила она, кивая, и собралась отвернуться.

– У тебя новый свитер? – Унылая улыбка Робби как будто говорила: он знает, как это мило, что он заметил обновку, и что последнее слово всегда остается за «хорошим парнем».

Смешно, но Роб не проявлял к ней абсолютно никакого интереса, пока она сама его не подцепила. Как будто, соединив свои губы с его – и окей, проявив в этом определенное мастерство, – она превратилась в какую-то жестокую богиню любви.

– Новый, – вновь кивнула она. Рядом с Робби Хэйзел чувствовала себя бессердечной, и он явно был о ней такого же мнения. – Ладно, увидимся.

– Ага, – протянул он.

И тут – в тот миг, когда еще можно было просто уйти – девушку захлестнуло чувство вины, и она сказала то, чего не должна была говорить и за что упрекала себя всю оставшуюся ночь:

– Может, попозже встретимся.

В его глазах зажглась надежда, и Хэйзел слишком поздно поняла, что ее слова прозвучали для парня как обещание. Но теперь единственное, что она смогла придумать – это удрать к Джеку и Картеру.

Джек – ее детское, наивное увлечение – явно удивился, когда она к ним примчалась. Это было странно, ведь его почти никогда не удавалось застать врасплох. Как однажды сказала мама Джека: он слышит гром раньше, чем сверкнет молния.

– У нашей милой Хэйзел, как омуты, глаза. Лишь парня поцелует – и он сойдет с ума, – пропел Картер. Иногда он вел себя, как редкостный придурок.

Картер и Джек выглядели почти одинаково: черные вьющиеся волосы, янтарные глаза, темно-коричневая кожа, пухлые губы и широкие скулы, которым завидовали все без исключения девушки города. Однако близнецами они не были. Джек был подменышем – подменышем Картера, – которого оставили укравшие его феи.

Фэйрфорд – странное место. Он расположен точно в центре Карлингского леса, кишашего существами, которых дедушка Хэйзел называл Зеленушками, а мама – Этими Самыми или Воздушным Народцем. Встретить здесь черного зайца, плавающего в ручье (хотя, как правило, зайцы – не большие охотники до купания), или олениху, на бегу превращающуюся в девушку, – обычное дело. Каждую осень местные оставляют часть урожая яблок жестокому и своенравному Ольховому королю. А каждую весну для него плетут цветочные гирлянды. Горожане знают, что в самом сердце леса таится чудовище: оно заманивает чужестранцев криками, похожими на женский плач. Пальцы его – словно ветки, а волосы – мох. Оно питается горем и несет гибель. Выманить его можно, спев особую песню: хорошие девочки отваживаются шептаться об этом, лишь когда идут друг к другу с ночевкой. А еще в кольце камней, где растет боярышник, можно поторговаться за сокровенное желание: в полнолуние повязать клочок своей одежды на ветку и подождать кого-нибудь из Народца. В прошлом году Дженни Эйхман отправилась туда и пожелала поступить в Принстон, пообещав феям заплатить любую цену. Желание исполнилось, но ее маму разбил инсульт, и она умерла в тот же день, когда из университета пришло письмо.

Вот почему – из-за исполнения желаний, рогатого мальчика и других странных вещей – городок посещают так много туристов, хотя сам он до того мал, что начальная и старшая школы расположены в одном здании, а чтобы купить новую стиральную машинку или прогуляться по торговому центру, приходится ехать за тридевять земель. Другие города могут похвастаться огромным мотком бечевки, гигантской головкой сыра или исполинским стулом. Где-то есть живописные

водопады, мерцающие сталактитовые пещеры или летучие мыши, спящие под мостом[1 - Имеется в виду город Остин в Техасе, «столица летучих мышей». Здесь и далее прим. переводчика.] А в Фэйрфорде – мальчик в стеклянном гробу. И Воздушный Народец.

Для которого туристы становятся легкой добычей.

Возможно, феи решили, что родители Картера из туристов. Его отец действительно был родом из другого города, а вот мать – нет. Она поняла, что ее ребенок украден, в ту же ночь, но прекрасно знала, что делать: на сутки отослала мужа из дома и пригласила соседок. Они испекли хлеб, накололи дров и наполнили старую глиняную миску солью. Затем, когда все было готово, мама Картера нагрела в очаге кочергу.

Та накалилась докрасна, но этого было мало. Лишь когда металл побелел от жара, мать Картера прижала самый кончик кочерги к плечу подменыша.

Младенец завопил от боли – так громко и пронзительно, что в окнах на кухне лопнули стекла.

Запах был, как будто в костер бросили пучок свежей травы; на коже ребенка вздулись красные волдыри. С тех пор у него остался шрам – Хэйзел видела его прошлым летом, когда они с Джеком, Беном и Картером пошли купаться. Рубец, правда, вытянулся, но никуда не делся.

Обожженный подменыш звал свою мать. Через секунду на пороге возникла женщина со свертком в руках. По рассказам, она была худой и высокой, с коричневыми, как осенние листья, волосами, кожей цвета древесной коры и глазами, то похожими на расплавленное серебро, то желтыми, словно у совы, то тускло-серыми, будто камни. Принять ее за человека было невозможно.

– Вы не смеете забирать наших детей, – сказала мама Картера – по крайней мере, так рассказывали, а Хэйзел слышала эту историю бесчисленное множество раз. – Не смеете похищать нас или насылать на нас болезни. Так было не один десяток лет, так должно оставаться и впредь.

Фея даже немного отступила и молча протянула украденного ребенка – тот мирно спал, завернутый в одеяло, словно и не покидал своей колыбели.

– Возьми, – только и сказала фея.

Мама прижала Картера к груди, жадно вдыхая его кисловато-молочный запах: она рассказывала, что одного Воздушный Народец подделать не может – другой ребенок пах не так, как Картер.

Фея протянула руки – забрать свое плачущее дитя, но соседка, державшая его, отступила назад.

Мать Картера преградила ей дорогу.

– Ты не получишь его, – возразила она, передавая своего ребенка сестре и беря железные опилки, бузину и соль, чтобы защититься от магии феи. – Если ты обменяла его, пусть даже и на час, то не достойна называться его матерью. Я воспитаю их обоих, и пусть это послужит вам наказанием за нарушение данной нам клятвы.

На это фея ответила голосом, подобным ветру, и дождю, и шуршанию сухих листьев под ногами.

– Не вам нас поучать: у вас нет ни власти, ни права. Отдайте моего ребенка, и я благословлю ваш дом, а если ослушаетесь...

– Катись к чертям со своими угрозами! – ответила мама Картера, как утверждает всякий, кто когда-либо рассказывал эту историю. – Проваливай подобру-поздорову!

Вот так, несмотря на то, что кое-кто из соседок ворчал – мол, женщина напрашивается на неприятности, – Джек вошел в семью Картера, стал его братом, а потом лучшим другом Бена. Все так привыкли к Джеку, что никто больше не удивлялся его остроконечным ушам, глазам, порой сияющим серебром, и умению предсказывать погоду лучше любого метеоролога.

– Как думаете, Бен там похлеще нашего веселится? – спросил Джек, отвлекая Хэйзел от мыслей о его происхождении, шраме и красивом лице.

Если Хэйзел относилась к поцелуям более чем легкомысленно, то Бен подходил к этому вопросу крайне серьезно. Он хотел настоящей любви и был готов все за нее отдать. Бен никогда себе не изменял: даже когда это стоило ему дороже, чем она могла предположить.

Однако его знакомства в Сети редко оказывались удачными.

– Боюсь, его избранник окажется скучным, – и Хэйзел, взяв из рук Джека банку, сделала большой глоток пива. Какая кислятина. – Они все скучные, даже лжецы. Особенно лжецы. Не понимаю, зачем он это делает?

– Ради секса? – пожал плечами Картер.

– Он любит истории, – предположил Джек и заговорщицки ей улыбнулся.

Хэйзел слизнула пену с верхней губы. К ней потихоньку начало возвращаться хорошее настроение:

– Ага, наверно.

Картер встал, пожирая глазами только что приехавшую Меган Рохас: яркие пурпурные волосы, бутылка коричневого шнапса в руках, острые каблочки ботинок с вышитой на них паутиной утопают в мягкой земле.

– Пойду раздобуду еще пива. Вам принести?

– Мою банку Хэйзел украла, – пожаловался Джек, кивая в ее сторону. Толстые серебряные колечки в его ушах поблескивали в лунном свете. – Захвати нам по одной.

– Постарайся не разбить никому сердце, пока меня не будет, – как будто в шутку попросил Хэйзел Картер, но его голос прозвучал не слишком дружелюбно.

Девушка села на освободившийся край бревна и стала разглядывать танцующих и веселящихся ребят, чувствуя себя невероятно чужой, бесполезной и потерянной. Когда-то она жила игрой, за которую все была готова отдать. Но оказалось, бывают игры, в которых мало просто чем-то пожертвовать.

– Не слушай его, – посоветовал Джек, как только Картер, обогнув гроб, оказался вне зоны слышимости. – Ты ни в чем не виновата перед Робом. Тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, сам виноват в том, что получает.

Хэйзел тут же подумала о Бене: а вдруг Джек прав?

– Вечно я наступаю на одни и те же грабли, – вздохнула она. – Отправляюсь на вечеринку и целую какого-нибудь парня, которого никогда бы не стала целовать в школе. Парня, который мне даже не нравится. Как будто здесь, в лесу, они могут раскрыться передо мной с совсем другой стороны. Но они всегда одинаковые.

– Это просто поцелуи, – он улыбнулся одним краешком губ, и что-то заставило ее улыбнуться в ответ. Джек с Картером улыбались совсем по-разному. – Смешно тебя упрекать. Ты никому не делаешь зла. Ты же не нападаешь на парней просто для того, чтобы здесь хоть что-то происходило!

Как ни странно, его слова рассмешили девушку:

– Скажи это Картеру.

Она, конечно, не стала объяснять, что не столько хочет, чтобы здесь хоть что-то происходило, сколько боится оставаться наедине со своей тайной.

Джек закинул руку ей на плечо, притворяясь, будто флиртует. Получилось безобидно, но забавно:

– Картер мой брат, так что могу с уверенностью тебе сказать – он идиот. Признайся, для тебя все эти фэйрфордские простачки – всего лишь развлечение.

Она улыбнулась и, покачав головой, повернулась к нему. Парень замолчал, и Хэйзел только тогда поняла, как близко оказались их лица.

Настолько близко, что она могла почувствовать на своей щеке его теплое дыхание, разглядеть бахрому ресниц, на свету отливающих золотом, и плавный изгиб губ.

Сердце Хэйзел отчаянно забилося: казалось, давно позабытое чувство десятилетней девочки вспыхнуло с удвоенной силой, заставив ее почувствовать себя такой же уязвимой и глупой, как в те далекие дни. Девушка ненавидела это ощущение. Теперь она разбивает сердца, а не наоборот!

Тот, кто преподносит свое сердце на серебряном блюде, сам виноват в том, что получает.

Был только один способ перестать страдать по парню. Тот, что всегда срабатывал.

Глаза Джека были слегка затуманены, губы – слегка приоткрыты. Преодолеть оставшееся между ними расстояние, закрыть глаза и прижаться губами к его губам казалось таким правильным. Джек ответил на поцелуй тепло и нежно.

Затем, часто моргая, отстранился.

– Хэйзел, я не хотел...

– Нет, – ответила она, вскакивая. Ее щеки горели. Он был ее другом и лучшим другом ее брата. И он не был чужим. В любом случае, целовать его – неправильно, даже если он тоже этого желал. Хотя ясно понять этого не дал, что делало случившееся еще хуже. – Конечно, нет. Извини. Извини! Я же говорила, что не должна целовать всех подряд, и вот сделала это снова.

Она попятилась.

– Подожди! – начал было он, потянувшись к ее руке и подбирая слова, которые бы ее успокоили – но она не далась.

Хэйзел сбежала, опустив голову, чтобы не видеть пронизательный «я-же-тебе-говорил» взгляд Картера. Она чувствовала себя глупой и, что еще хуже, вполне заслуживающей того, чтобы ее отвергли. Как будто она получила по заслугам. Словно восстановилась кармическая справедливость – чего, конечно, в реальности не случается. По крайней мере, не так быстро.

Хэйзел отправилась напрямик к Франклину.

– Можно угоститься? – спросила она, кивая на флягу.

Тот глянул на девушку мутными, налитыми кровью глазами, но флягу протянул:

– Тебе не понравится.

Ей и правда не понравилось. Сивуха обожгла горло. Но Хейзел, хоть и с трудом, сделала еще пару глотков, надеясь позабыть все, что произошло с той минуты, как она пришла на вечеринку. Надеюсь, что Джек никогда не расскажет Бену, что она сделала. Надеюсь, что Джек притворится, будто ничего не произошло. Как же ей хотелось повернуть время вспять, распустить его, как плохо связанный свитер...

Тем временем Том Маллинс, полузащитник и известный злободушник, пересек поляну, освещенную фарами грузовичка Стивена, и резко запрыгнул на стеклянный гроб, согнав с него девушек. Парень выглядел совершенно одуревшим от выпивки: раскрасневшееся лицо, всклокоченные, пропотевшие волосы.

– Эй! – заорал он, подпрыгивая и топя так, как будто хотел расколоть стекло. – Вставай, вставай, дружок! С постели – на горшок. Вставай, вставай, порточки надевай!

– Перестань! – крикнул Мартин и принялся махать Тому, чтобы тот спускался. – Забыл, что случилось с Ллойдом?

Ллойд был отъявленным хулиганом: устраивал поджоги и ходил в школу с ножом. Когда учителя заполняли бланки посещаемости, им приходилось серьезно морщить лбы, припоминая, почему его не было: прогуливал или сидел под домашним арестом. Однажды ночью, прошлой весной, Ллойд взял кувалду и отправился к стеклянному гробу. Разбить его он не смог, зато позже, устраивая очередной поджог, так обгорел, что до сих пор лежал в больнице Филадельфии – ему там делали пересадку кожи с ягодиц на лицо.

Некоторые утверждали, что Ллойд отомстил рогатый мальчик, которому не понравились эти шутки с гробом. Другие заявляли, что заколдовавший рогатого мальчика заколдовал и стекло, поэтому тот, кто пытается его разбить, навлекает на себя беду. Том Маллинс прекрасно об этом знал, но ему, казалось,

было все равно.

Хэйзел отлично понимала, что он чувствует.

– Поднимайся! – вопил он, пиная стекло, топая и прыгая на нем. – Эй, бездельник, пора встава-а-а-а-ать!

Картер схватил его за руку:

– Том, хорош. Мы собираемся накатить еще по одной. Ты же не хочешь это пропустить?

Том явно колебался.

– Давай, Том, – продолжил Картер. – Если, конечно, ты еще не слишком надрался...

– Ага, – поддержал его Мартин, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. – По ходу, ты уже и стакан удержать не сможешь.

Это сработало. Том протестующе кинулся вниз, попутно свалившись с гроба: да он один выпьет больше, чем они оба вместе взятые!

– Ну вот, – пробормотал Франклин Хэйзел. – Еще одна тупая ночь в Фэйрфорде, где можно быть или свихнутым, или эльфом.

Девушка сделала глоток из серебристой фляги, начиная привыкать к ощущению огня в желудке:

– Пожалуй.

Он усмехнулся, и в его покрасневших глазах заплясали чертики:

– Хочешь пообжиматься?

На вид он был таким же несчастным, как и Хэйзел. Франклин, который в начальной школе едва говорил и про которого только ленивый не болтал, что время от времени он ужинает сбитыми на шоссе зверьками. Франклин, который не оценил бы, поинтересуйся она его печалью – хотя у него явно найдется немало такого, о чем он хотел бы забыть.

Хэйзел почувствовала себя немного сумасшедшей.

– Давай.

По пути в лес она оглянулась. Джек смотрел на нее с выражением, которое она не смогла прочесть. Девушка поспешила отвести глаза. Когда они с Франклином, держась за руки, проходили под дубом, ей показалось, что ветки сомкнулись над ее головой, будто пальцы, но, взглянув наверх, Хэйзел разглядела только тени.

Глава 2

Как-то летом, когда Бен был еще совсем крохой, а Хэйзел даже не появилась на свет, их мама отправилась на лесную поляну порисовать. Расстелила на траве одеяло, усадила Бена, намазав его солнцезащитным кремом, и дала пососать кусочек сухарика – а сама взялась за холст, накладывая на него оранжевые и красные мазки. Она рисовала уже добрый час, когда заметила женщину, наблюдавшую за ней из тени раскидистых деревьев.

Каштановые волосы незнакомки, как вспоминала мама, рассказывая эту историю, были перевязаны косынкой, а в руках та держала корзину молодых зеленых яблочек.

– Ты истинная художница, – сказала она маме, поклонившись и восхищенно улыбаясь. Только тогда мама заметила, что прекрасное свободное платье незнакомки соткано на ручном станке. На мгновение она подумала, что женщина – одна из тех, кто живет своим хозяйством: делает домашние заготовки, держит кур и сама шьет одежду. Но потом увидела длинные заостренные уши и догадалась: она из Воздушного Народца, а значит, хитра и

опасна.

Но мама – и это беда большинства художников – была больше очарована, чем напугана.

Она выросла в Фэйрфолде и слышала множество рассказов о Народце; знала о логове красных колпаков, что пропитывают свои шляпы свежей человеческой кровью и, по слухам, живут возле старой пещеры на окраине города; слышала о женщине-змее, которая в прохладные вечера иногда встречается близ лесных опушек. Знала и о ведьме из сухих веток, коры, грязи и мха, которая одним лишь прикосновением превращает кровь жертвы в воду.

Мама вспомнила песенку, которую пела в детстве, прыгая через веревочку:

В темной чаще ведьма есть,

Она может тебя съесть,

Обглодает твой скелет —

Вот ты был, а вот уж нет.

Непослушный и плохой,

Не вернешься ты...

Они с подружками с ликованием горланили ее, но никогда не произносили последнего слова. Ведь иначе явилось бы чудовище: в конце концов, заклинание предназначалось именно для этого. Однако, если не петь до конца, магия не сработает.

Но не все истории были страшными. Щедрость Народца была столь же безграничной, как и его жестокость. В детсадовской группе Бена была девочка, у которой русалка украла куклу. Неделю спустя эта самая девочка проснулась в своей кроватке с ниткой великолепного речного жемчуга на шее. Вот почему Фэйрфолд считался особенным местом – из-за магии. Опасной, но все же магии.

Еда в Фэйрфолде была вкуснее, чем где бы то ни было – поговаривали, будто она приправлена волшебством. Сны – ярче. Творцы – вдохновеннее, а их творения – прекраснее. Любовь захватывала людей сильнее, музыка звучала приятнее, а

озарения посещали ученых чаще, чем в любых других местах.

– Позвольте нарисовать вас, – попросила мама, вытаскивая из сумки альбом и угольки. Она считала, что рисует лучше всех в Фэйрфорде.

– Нарисуй лучше мои прекрасные яблоки, – возразила женщина. – Им суждено сгнить, а я навечно останусь неизменной.

От этих слов по маминой спине побежали мурашки.

Заметив выражение ее лица, женщина рассмеялась:

– О да, я видела желудь прежде дуба. Видела яйцо прежде курицы. И увижу все это вновь.

Мама собралась с духом и попыталась снова:

– Если разрешите сделать ваш портрет, я отдам вам рисунок, когда закончу.

Несколько бесконечных мгновений эльфийка размышляла над мамиными словами:

– Я получу его в подарок?

Мама кивнула. Тогда женщина согласилась, и художница приступила к работе. Пока мама рисовала, они неспешно беседовали. Эльфийка поведала, что некогда принадлежала к королевскому двору, но последовала за одним эльфом в добровольное изгнание. Рассказала, как полюбила лесную чащу, хотя и тосковала по прежней жизни. В свою очередь, мама поделилась с ней страхами, связанными с первенцем, который уже хныкал и вертелся на одеяле, требуя сменить подгузник. Вдруг Бен вырастет совершенно непохожим на нее – серым и обычным, и не будет интересоваться искусством? Например, ее собственные родители разочаровались в ней, потому что она ни капельки на них не походила. А что, если она так же разочаруется в Бене?

Когда мама закончила рисунок, эльфийка, залюбовавшись, затаила дыхание. Потом опустилась на колени рядом с ребенком и поднесла палец к его лбу.

Малыш тут же заревел.

Мама попыталась остановить женщину.

– Что вы делаете? – закричала она.

На лбу ее сына проступило красное пятно, повторяющее очертания пальца.

– Хочу отплатить за рисунок, – женщина поднялась и вдруг стала выше, чем казалась до этого. Мама прижала к себе плачущего Бена. – Я не могу изменить его природу, но могу преподнести в дар музыку, несущую магию фей. Он будет играть такие сладкие мелодии, что, услышав их, никто не сможет думать ни о чем другом. Музыка будет волновать твоего сына, менять и сделает творцом, что бы он сам для себя ни выбрал. Каждому ребенку нужна трагедия, чтобы стать действительно интересным. Вот мой подарок тебе – он будет заниматься искусством, понравится ему это или нет.

С этими словами эльфийка взяла рисунок и покинула маму, которая, съежившись на одеяле, плакала и обнимала Бена, не в силах понять, проклят ее сын или благословлен.

Оказалось, он получил и проклятие, и благословение.

А Хэйзел, которая только готовилась появиться на свет, не досталось ни того, ни другого. Ее драма, если можно так выразиться, заключалась в том, чтобы стать самым что ни на есть обычным и нормальным ребенком.

Глава 3

Хэйзел вернулась домой далеко за полночь и застала Бена за кухонным столом, доедающим хлопья: он возил ложкой в молоке, пытаясь выловить последние крошки. Родители тоже не спали – работали. Из окон студии на заднем дворе лился свет. Иногда, если находило вдохновение или поджимали сроки, они там даже ночевали.

Хэйзел не возражала. Девушке нравилось, что ее родители отличаются от остальных взрослых: они сами так ее воспитали. «Нормальные люди, – говорили Эвансы с содроганием. – Нормальные люди мнят себя счастливыми, ведь они слишком глупы, чтобы мыслить другими категориями. Лучше быть несчастным, но увлеченным. Правда, детка?» А потом смеялись. Хотя иногда, слоняясь по студии и вдыхая знакомые запахи скипидара, лака и свежей краски, Хэйзел задумывалась, каково это – иметь счастливых, нормальных, глупых родителей, а потом корила себя за подобные мысли.

Бен посмотрел на сестру васильково-синими, как и у нее, глазами из-под темных бровей. Его рыжие волосы выглядели неопрятнее обычного: в растрепанных кудрях даже листик торчал.

Хэйзел, ухмыльнувшись, вытащила его. Перед глазами все плыло: она была пьяна, губы немного припухли – Франклин слишком жадно в них впивался. Побыстрее бы обо всем этом забыть. Не помнить ни Джека, ни как по-идиотски она себя вела, ничего. Она представила огромный сундук и сложила в него все воспоминания: щелкнул навесной замок, и сундук, погружившись в море, осел на самое дно.

– Как свидание? – спросила Хэйзел.

Бен, тяжело вздохнув, оттолкнул миску, и она заскользила по потертой скатерти.

– По правде говоря, ужасно.

Хэйзел, глядя на него, положила голову на стол.

С такого ракурса брат казался иллюзорным, как будто стоило ей прищуриться, и она смогла бы посмотреть сквозь него.

– Он был одет в резиновый скафандр? Костюм клоуна? Резиновый костюм клоуна?

– Нет, – Бен не засмеялся, только немного напряженно улыбнулся.

Хэйзел нахмурилась:

- Все хорошо? Что-то слу...

- Нет, ничего такого, - поспешил успокоить ее Бен. - Просто мы пришли к нему, а там его бывший. В смысле, они по-прежнему живут вместе.

Это даже звучало ужасно - девушка едва подавила стон.

- Серьезно? И он не потрудился тебя предупредить?

- Он сказал, что с бывшим у него все кончено. У всех есть бывшие! Даже у меня! А у тебя их вообще миллион! - он улыбнулся, и Хэйзел поняла, что брат шутит.

Но сейчас шутить на эту тему ей совсем не хотелось.

- У тех, кто не ходит на свидания, нет никаких бывших, - возразила она.

- Короче, когда мы вошли, этот парень сидел перед телевизором, и у него был такой убитый вид... Ясное дело, он не пришел в восторг, когда меня увидел. Да и вообще не был готов к чему-то подобному. Представляешь, мой «возлюбленный» сказал: его бывший такой клевый, что готов поспать на диване, а мы можем зависнуть в спальне. Так я узнал, что в квартире всего одна кровать. И тут же решил оттуда сматываться. Но как было это сделать? Я не мог ничего сказать, потому что это было бы невежливо. Совместное конструирование реальности, общественный договор и все такое. Я просто не мог.

Хэйзел фыркнула, но Бен не обратил на это внимания.

- Я сказал, что мне надо в ванную, спрятался там и попытался взять себя в руки. Потом глубоко вдохнул, вышел в коридор и шел до тех пор, пока не оказался за дверью и не спустился по лестнице. Можешь мне не верить, но я выдохнул только на улице!

Хэйзел рассмеялась, представив, как брат воплощал свой не слишком-то изящный план.

- Хочешь сказать, что сбежать – не невежливо?

Бен торжественно покачал головой:

- Не так неловко.

Она рассмеялась еще громче:

- А ты почту проверял? Он ведь наверняка напишет тебе и спросит, куда ты делся. Это не будет неловким?

- Издеваешься? Я больше никогда не стану проверять почту, – с чувством заявил Бен.

- Отлично, – вздохнула Хэйзел. – Значит, парни из Интернета – вруны.

- Все парни вруны, – уточнил Бен. – И девушки тоже. И мы с тобой. Только не говори, что никогда не врешь.

Хэйзел не ответила – брат был прав. Она врала. Много врала, особенно ему.

- А что у тебя? Как наш принц? – поинтересовался Бен.

За эти годы Хэйзел и Бен напридумывали тьму историй о рогатом мальчике. Они бесчисленное множество раз рисовали его красивое лицо и изогнутые рога папиными фломастерами, мамиными угольками, а до этого – своими мелками. Хэйзел могла вызвать в памяти его образ, просто закрыв глаза: синий камзол, расшитый золотыми фениксами, грифонами и драконами; бледные, перекрещенные на груди руки; пальцы, унизанные сверкающими перстнями; необыкновенно длинные заостренные ногти; доходящие до икр сапоги из кожи цвета слоновой кости; и лицо с идеальными чертами, столь прекрасное, что, если долго на него смотреть, начинает казаться, будто все остальное, виденное тобой, невообразимо убого.

Наверное, это принц, решил Бен, когда они впервые его увидели: вроде тех, что бывают в сказках, с проклятием, которое можно разрушить только поцелуем истинной любви. В те времена Хэйзел была уверена, что его разбудит именно

она.

– Принц такой же, как всегда, – пробормотала Хэйзел, не желая ни говорить об этой ночи, ни выдать свое нежелание. – Все как всегда. И все как всегда.

Девушка знала: Бен не виноват в том, как неудачно складывается ее жизнь. Она сама заключила сделку. Без толку теперь сожалеть о ней, а уж тем более обижаться на брата.

Они еще сидели на кухне, когда папа, словно сомнамбула, выплыл из студии, чтобы заварить чай и прогнать их спать. Горели сроки: иллюстрации, над которыми он работал, нужно отвезти в город уже в понедельник. Похоже, этой ночью спать он не ляжет – а значит, заметит, если и они не отправятся по кроватям.

Мама, вероятно, решила составить ему компанию. Родители начали встречаться в Школе изобразительных искусств в Филадельфии: их объединила любовь к детским книгам. В итоге Бен и Хэйзел – как ни унижительно – получили имена в честь сказочных кроликов. Вскоре после окончания Школы мама с папой вернулись в Фэйрфорд: без гроша в кармане, по уши в беременности и готовые пожениться, если семья отца позволит им бесплатно жить в доме его двоюродной бабки. Папа переоборудовал сарай на заднем дворе в студию и стал использовать свою половину, чтобы рисовать иллюстрации к книгам, а мама писала пейзажи Карлингского леса, которые продавала в городе – в основном туристам.

Весной и летом туристы буквально наводняют Фэйрфорд: поедают блинчики с кленовым сиропом в придорожном ресторане; расхватывают в сувенирной лавке футболки и пресс-папье с запаянным в смолу четырехлистным клевером; валом валят в шатер предсказаний узнавать свою судьбу; фотографируются на стеклянном гробе; устраивают пикники у озера Уайт или прогуливаются рука об руку по улицам и ведут себя соответственно – будто Фэйрфорд самое странное и сумасшедшее место, которое им когда-либо доводилось посещать.

Каждый год кто-нибудь из туристов исчезает.

Кого водные ведьмы утаскивают в озеро Уайт: раздувшиеся трупы, пробившись сквозь плотный занавес водорослей, потом всплывают сквозь ряску. Кого

на смерть давят лошади, несущиеся в сумерках под звон бубенчиков в гриве, с блистательными седоками из Народца на спинах. Кого находят подвешенными вверх ногами на деревьях, истекшими кровью и обглоданными. Кого обнаруживают на скамейках в парках с гримасами ужаса, застывшими на лицах, – явно умершими от страха. А некоторые просто пропадают.

Не много. Один или двое каждый сезон. Но достаточно, чтобы за пределами Фэйрфолда это замечали. Достаточно, чтобы появлялись предупреждения, памятки и тому подобное. Достаточно, чтобы туристы перестали приезжать. Но они не переставали.

Когда-то Народец был осторожнее. А их проделки – гораздо безобидней. Шальной ветер мог подхватить праздного туриста, поднять в воздух и отнести на добрую милю в сторону. Или приезжие, загуляв допоздна, могли вернуться в гостиницу и обнаружить, что прошло уже целых полгода. Иногда, проснувшись, они обнаруживали узелки в волосах. В карманах – вместо пропавших из них вещей – находилось нечто совершенно непредсказуемое. Масло, только что положенное на тарелку, слизывали невидимые языки. Деньги превращались в листья. Шнурки никак не развязывались, а тени выглядели немного растрепанными, как будто жили своей собственной жизнью.

В те времена люди почти не гибли по вине Народца.

Туписты, как с насмешкой говорили местные. И до сих пор говорят. Потому что все верят – не могут не верить: туристы сами тупят, потому и погибают. И если кто-то из Фэйрфолда пропадает без вести, считается, что он вел себя глупо, как тупист. Надо быть осмотрительнее. Жители Фэйрфолда привыкли думать о Народце как о неизбежном зле, стихийном бедствии, вроде бури с градом или течения, уносящего в море.

Настоящее раздвоение сознания.

Жители Фэйрфолда должны относиться к Народцу уважительно, но не бояться. Бояться – удел туристов.

Когда Хэйзел с Беном жили в Филадельфии, никто не верил их историям. Это были очень необычные два года. Брату с сестрой пришлось научиться скрывать свои странности. Но и возвращаться домой оказалось нелегко – ведь теперь они

знали, каким нелепым Фэйрфорд был по сравнению со всеми остальными городами. Именно поэтому Бен надумал отказаться от своей магии – и своей музыки – совсем.

А это значило, что он понятия не имел, какую цену сестра заплатила за их поездку. Но, в конце концов, она не была туристом. Ей следовало быть осмотрительней. Хотя иногда, по ночам вроде этой, она мечтала рассказать свой секрет хоть кому-нибудь. Ей так надоело все время быть одной.

Той ночью, после того, как они с Беном отправились по кроватям, когда она скинула одежду и надела пижаму, почистила зубы и на всякий случай проверила, что кучка соленого толочка – от проделок фей – все еще лежит под подушкой, Хэйзел уже ничто не могло отвлечь от воспоминаний о том головокружительном мгновении, когда ее губы встретились с губами Джека.

Но во сне на месте Джека почему-то оказался рогатый мальчик. Его глаза были открыты. И когда девушка прильнула к нему, принц ее не оттолкнул.

* * *

Хэйзел проснулась в плохом настроении, со смутным ощущением беспокойства и грусти. Подумав, что прошлой ночью выпила слишком много, она проглотила таблетку аспирина и запила ее мутным глотком апельсинового сока. В огромной глиняной миске, стоящей посреди кухонного стола, мама оставила записку с приклеенной десятидолларовой бумажкой – купить хлеба и молока.

Хэйзел со стоном потащилась наверх, чтобы надеть легинсы и свободную черную рубашку. Снова вставила в уши зеленые сережки-кольца.

Из комнаты Бена раздавалась музыка. Сам он больше не играл, но непрерывно слушал музыку в фоновом режиме – даже во сне. Если он уже проснулся, Хэйзел надеялась убедить его выполнить мамино поручение, а самой вернуться в кровать.

Девушка постучала в дверь брата.

– Впечатлительным не входить, – отозвался он. Хэйзел приоткрыла дверь и увидела, как Бен, прижимая к уху мобильник, прыгает, пытаясь втиснуться в узкие горчичные джинсы.

– Эй, – начала было она, – не мог бы ты...

Но он отмахнулся от нее, говоря в телефон:

– Ага, проснулась. Стоит напротив. Конечно, встретимся через пятнадцать минут.

Хэйзел застонала:

– На что это ты там соглашаешься?

Он бросил легкую усмешку в ее сторону и сказал собеседнику: «До встречи». На другом конце провода, несомненно, был Джек.

Бен с Джеком дружили долгие годы – даже когда Бен переехал, «вышел из шкафа» и с головой бросился в отношения с одним мальчиком из школы, которые закончились большим скандалом и бегством домой. Даже когда Джек впал в депрессию из-за Аманды Уоткинс, которая бросила его, заявив, что предпочла бы встречаться с «настоящим Картером», а не с его бледной тенью. Даже несмотря на то, что они слушали разную музыку и читали разные книги, а за обедом тусовались в разных компаниях.

И ее поцелуй с Джеком, конечно же, ничуть не пошатнул бы их дружбы. Но все же Хэйзел совсем не хотелось, чтобы Бен узнал, что натворила его сестра. А еще ей не улыбалась перспектива весь день наблюдать осторожничающего Джека – как будто она может на него наброситься или вроде того.

Но хоть она и чувствовала себя скверно, девушке очень хотелось снова его увидеть. Она до сих пор не могла поверить, что они – пусть всего мгновение – целовались. Вспомнив это, Хэйзел сразу почувствовала себя счастливой и отчего-то смутилась – как будто впервые за долгое время совершила нечто по-настоящему смелое. Хотя, разумеется, этот поцелуй был ужасной ошибкой. Оставалось только надеяться, что не все испорчено. Она никогда не сделает

ничего подобного – честное слово. По крайней мере, сейчас девушка не могла себе этого даже представить.

Хэйзел уже и не помнила, когда увлеклась Джеком. Она влюблялась постепенно: потихоньку узнавала его, волновалась, если он обращал на нее внимание, и не могла перестать нервно болтать, когда он оказывался рядом. Но Хэйзел помнила, когда ее чувства обострились до предела. Она шла напомнить Бену, что ему пора домой – на урок музыки с одним из папиных богемных дружков, – и обнаружила у Гордонов на кухне компанию ребят, которые жевали бутерброды и валяли дурака. Джек сделал ей бутерброд с куриным салатом и аккуратно нарезанным помидором. Когда он отвернулся за парой кренделей, она схватила его жвачку, прилепленную к краю тарелки, и засунула в рот. Вкус клубники и его слюны подарил ей ни с чем не сравнимое ощущение отчаянного счастья – почти как поцелуй.

Эта самая жвачка до сих пор «сидела» на спинке ее кровати как талисман, который она просто не могла выбросить.

– Мы собираемся в «Лаки», – сообщил Бен, как будто собирался назвать место, куда она заведомо не согласилась бы пойти. – Выпьем по кофе. Послушаем музыку. Посмотрим, есть ли что-нибудь новенькое. Давай, мистер Шредер наверняка по тебе соскучился. Кстати, ты сама постоянно твердишь: что еще делать в этом городишке по воскресеньям?

Хэйзел вздохнула. Надо было ответить «нет», но она, казалось, сама искала неприятности: ни перед чем не останавливаться, перецеловать всех парней, разбередить старые чувства и воплотить все самые дурацкие идеи.

– От кофе не откажусь, – кивнула она, глядя, как ее брат берет красную куртку. По всей вероятности, она должна была символизировать восходящее солнце.

* * *

«Лаки» был большим, старым переделанным складом в скучной части Главной улицы – рядом с банком, зубным кабинетом и часовым магазином. Он пах книжной пылью, нафталином и французским кофе. Все стены были в разношерстных книжных полках – от резных дубовых до сколоченных из

поддонов, – которые мистер и миссис Шредер, хозяйева этого места, скупали за бесценок на гаражных распродажах. Рядом с огромным окном, выходящим на широкую реку, стояли два мягких стула и проигрыватель. Посетители могли слушать любые из имеющихся виниловых пластинок. Здесь же стояли две большие кофеварки. На крашеном столике теснились кружки и надтреснутая банка с табличкой: ВЕРИМ В ВАШУ ЧЕСТНОСТЬ. ПЯТЬДЕСЯТ ЦЕНТОВ ЗА ЧАШКУ.

В другой части помещения размещались стеллажи и вешалки с подержанной одеждой, обувью, сумочками и другими вещами. Хэйзел подрабатывала здесь летом: в основном таскала сотни мешков, похожих на мусорные, и отсортировывала вещи, которые еще можно выложить на прилавок, от рваных, грязных и дурно пахнущих. Она отрыла множество классных штук, копаясь в этих мешках. Здесь было дороже, чем в «Гудвине», куда ее посылали родители, утверждая, будто новые вещи покупают исключительно буржуи; но в «Лаки» ассортимент был лучше, а она еще и скидку получала.

Джек, семья которого безоговорочно классифицировалась родителями Хэйзел и Бена как «буржуйская», покупал новую одежду в торговом центре, а в «Лаки» заглядывал за бесчисленными биографиями мало кому известных людей, которые заглатывал с такой же частотой, как другие выкуривают сигареты.

Бен приходил за старыми пластинками, которые очень любил, несмотря на то, что со временем они начинали заикаться, шипеть и крошиться. Он утверждал, что канавки лучше отражают звуковые волны, поэтому музыка получается более верной и глубокой, чем на дисках. Хэйзел считала, что ему просто нравится ритуал: вытащить пластинку из конверта, поставить на проигрыватель, пристроить сверху иголку – да так, чтобы попасть в нужное место, – а потом сжать кулаки, чтобы не начать отбивать ритм.

Возможно, последняя часть ему не нравилась, но он выполнял и ее. Каждый раз.

День был ясный и прохладный, ветер хлестал по щекам, румяня их. Когда Хэйзел с Беном входили в магазин, с десятков ворон, каркая, взметнулись с ели и взмыли высоко в небо.

Задремавший было мистер Шредер поднял глаза на звон дверного колокольчика, они с Хэйзел перемигнулись, и старик, усмехнувшись, снова откинулся в своем кресле.

В другом конце комнаты Джек поставил на проигрыватель пластинку Ника Дрейка, и его проникновенный голос, рассказывающий о золотой короне и тишине, заполнил магазин[2 - Имеется в виду песня «Time of No Reply» английского певца и автора песен Ника Дрейка (1948-1974).]. Хэйзел исподтишка изучала Джека, пытаясь прочитывать его настроение, но не уловила ничего необычного: чуть взъерошенные волосы, джинсы, двухцветные оксфорды, мятая зеленая рубашка и светящиеся серебром глаза. Он улыбнулся, заметив Хэйзел с Беном, но девушке его улыбка показалась немного натянутой, не отражающейся в глазах. В любом случае, это не имело значения, потому что взгляд Джека лишь скользнул по ней и остановился на Бене.

– Ну что, Брюс Уэйн, рассказывай, как ты на этот раз угробил свидание – увидел бэтсигнал?

Бен рассмеялся:

– Все было совсем не так!

С чего она вообще поцеловала Джека? Потому что без памяти влюбилась в него, когда они еще были детьми? Или ей просто захотелось?..

– Ага, – она буквально выдавливала из себя слова. – Бэтмен-то никогда не сбегал.

Бен был счастлив снова рассказать им о провальном свидании. Они налили себе по чашке кофе, пока он выдавал новую версию происходящего, утрированную и драматическую. Сосед оказался еще сильнее влюблен в незадачливого «бойфренда» Бена и куда более зол. А сам Бен еще смешнее обдумывал и воплощал в жизнь план побега. К концу истории Хэйзел уже понятия не имела, осталась ли в ней хоть капля правды, хотя какая разница? Бен мастерски рассказывал истории: а как она любила в детстве его сказки о рогатом мальчике!

– А что насчет вас, ребята? – наконец поинтересовался Бен. – Хэйзел не рассказала о прошлой ночи ничего даже отдаленно интересного!

Джек перестал смеяться.

– Неужели? – переспросил он после неестественно долгой паузы. Его янтарные глаза странно вспыхнули. – Она тебе не рассказала?

Хэйзел замерла.

Ее брат, нахмурившись, с любопытством переводил взгляд с одного на другую:

– Ну? Что?

– Том Маллинс надрался и полез на гроб – разбить хотел. Наверняка заработал проклятие, бедолага. – Джек грустно улыбнулся и запустил пальцы в свои жесткие каштановые кудри, приведя их в еще больший беспорядок.

Хэйзел наконец-то выдохнула – даже голова закружилась.

Бен покачал головой:

– Почему люди такое творят? Всякий раз, когда кто-нибудь пытается разбить гроб, случается какая-нибудь дрянь. Томми ведь плевать на принца, тогда зачем он это устроил?

Он по-настоящему расстроился: раньше Бен с Томом Маллинсом были друзьями – пока Бен не уехал, а Том не подружился с бутылкой.

– Может, ему просто осточертели старые добрые вечеринки и все те же старые добрые лица, – предположил, глядя на Хэйзел, Джек. Затем он уселся на стол, заваленный книгами, ремнями и шарфами. – Может, ему захотелось, чтобы хоть что-нибудь про изошло.

Она вздрогнула.

– Ладно, хватит об этом, – сказал Бен, качнувшись вместе со стулом вперед и чудом удержав чашку в равновесии. В свете, проникающем в комнату сквозь грязные стекла, его рыжие волосы казались золотыми. – Да что с вами такое? Вы как-то странно друг на друга смотрите.

– Что? Да нет же, – мягко возразил Джек. – Ничего подобного.

Хэйзел покачала головой, собираясь наполнить чашку новой порцией кофе.

– Хм, – сказала она, желая сменить тему. – Раз, два, три, четыре, пять – платье я иду искать.

С этими словами она сняла с вешалки полупрозрачное ярко-бирюзовое выпускное платье и закружилась с ним по комнате. Рядом висел костюм «в елочку», как две капли воды похожий на те, в которых ходили герои в ранних сериях «Безумцев». Джек поставил пластинку «Bad Brains», Бен примерил костюм, несколько туристов зашли в магазин за открытками, и все стало таким, как в обычный воскресный день. Бен сунул руки в карманы пиджака, в котором дефилировал по магазину (пришлось открыть ему страшную правду, что тот немного маловат), и Хэйзел взяла его красную куртку. Внезапно что-то выпало из кармана, отскочило от пола и прикатилось Джеку под ноги. Грецкий орех, перевязанный травинкой.

– Смотрите-ка, – сказал Джек, хмуро глядя на находку. – Как вы думаете, что это?

– Из моей куртки выпало? – спросил Бен.

Хэйзел кивнула.

– Давайте откроем, – Джек соскользнул со стола; на голове у него сидела нелепая шляпа-котелок. Движения парня были расслабленными и гибкими, что навело Хэйзел на те самые мысли, из-за которых она вечно влипала в беду.

Травинка легко развязалась, и две половинки ореха распались. Внутри оказался небольшой клочок бумаги, скатанный в трубочку.

– Дай посмотреть, – попросила Хэйзел, потянувшись к бумажке. Развернув полупрозрачный кусочек пергамента, она вздрогнула. Выведенные паучьим почерком слова гласили: Семь годков – отдай должок. Поздно сожалеть, дружок!

Они надолго замолчали. Хэйзел приложила невероятные усилия, чтобы не отбросить бумажку.

– Бессмыслица какая-то, – пробормотал Джек.

– Наверное, какая-то старая игрушка, купленная в городе, – голос Бена немного дрожал. – Волшебный орешек счастья. Дерьмовая подделка.

В самом конце Главной улицы стоял магазин, продававший сувениры охотникам на фей. Благовония, обережные мешочки с солью, смешанной с бузиной, карты «священных» фейских мест рядом с городом, кристаллы, расписанные вручную карты Таро и радужные наклейки на окна. Загадочные предсказания фей в орехах вполне могли там тоже быть.

– Так себе предсказание, – заметил Джек.

– Да уж, – поддакнула Хэйзел, стараясь, чтобы голос не выдал, как заходится ее сердце; стараясь вести себя так, как будто она не знала, кому предназначалась записка. Как будто все по-прежнему нормально.

– Да уж, – Бен, посмеиваясь, сунул скорлупки и бумажку обратно в карман. – Жутковато.

После этого Хэйзел могла только притворяться, что ей весело. Она смотрела на Бена и Джека, запоминая их. Запоминая людей и место, запах старых книг и звуки, которые издают обычные вещи.

Бен купил галстук-бабочку в горошек; потом они отправились в универмаг, где Хэйзел взяла пакет молока и буханку хлеба. Джек поспешил домой на ужин – у них была традиция играть всей семьей в настольные игры по воскресеньям, и каким бы глупым Картер с Джеком это ни считали, никому не разрешалось пропускать мероприятие. Хэйзел и Бен тоже пошли домой.

Не доходя пары шагов до двери, Хэйзел присела, чтобы налить немного молока в керамическую миску, которую мама поставила рядом с каменным заборчиком. Все в Фэйрфорде оставляли еду феям, чтобы продемонстрировать им свое уважение и завоевать их благосклонность.

Но из пакета склизкими кусками вывалилась простокваша. Молоко уже скисло.

Глава 4

Той ночью Хэйзел металась и вертелась, сбивая простыни и изо всех сил уговаривая себя не думать о данных обещаниях и долгах, которые придется возвращать: запихнула их в сотню облепленных моллюсками сейфов, а те – в тысячу сундуков, плотно обмотав каждый цепями.

Утром Хэйзел почувствовала страшную тяжесть в руках и ногах; перевернулась перевести будильник, и тут пальцы пронзила острая боль. Ладони оказались воспаленными и ободранными. Из распухшего большого пальца торчал осколок стекла длиной с булавку; несколько мелких осколков, поблескивая, торчали из других пальцев. Сердце пустилось вскачь.

Хэйзел приподняла одеяло и нахмурилась: ноги оказались залепаны засохшей землей, которая начала отваливаться кусками, пока девушка вставала. Черные брызги доходили до самых коленей. Подол ночной рубашки стал жестким от пропитавшей его грязи. Откинув одеяло, она увидела, что кровать превратилась в настоящее гнездо: вся в траве и палочках. Хэйзел попыталась вспомнить прошлую ночь, но на ум приходили только смутные видения. И чем сильнее она на них сосредотачивалась, тем туманнее они становились.

Что же произошло? Что она натворила и почему не может ничего вспомнить?

Хэйзел заставила себя пойти в душ и пустила воду такую горячую, какую только могла вытерпеть. Под почти обжигающими струями вытащила осколки: крошечные бисеринки крови унеслись в сливное отверстие. Девушка смыла грязь и уняла дрожь. Но по-прежнему не находила ответов.

Что же она натворила?

Мышцы гудели, будто от перенапряжения, но ни это, ни грязь с осколками не проливали свет на произошедшее. Дыхание все не выравнивалось, как бы она ни уговаривала себя успокоиться, как ни пыталась втолковать самой себе то, что прекрасно знала: этому было суждено случиться, самое тяжелое – ожидание, и ей следует радоваться, что все наконец-то закончится.

Пять лет назад, когда Хэйзел почти исполнилось одиннадцать, она заключила сделку с Народцем.

Девочка прокралась к боярышнику в полнолуние, незадолго до рассвета. Темное небо сверкало звездами. Клочки одежды, эти призраки желаний, затрепетали на ветвях у нее над головой. Меч Хэйзел оставила дома: в знак уважения и надеясь, что, хоть она и охотилась на фей – только плохих, – они будут честно с нею торговаться. Какая наивность.

Сосредоточившись на своем желании, Хэйзел вступила в круг из белых камней, под боярышник, и уселась ждать на мокрую от росы траву. Сердце колотилось, как у мышки. Долго ждать не пришлось. Спустя всего несколько минут из леса выскочило бледнотелое существо, подобных которому девочка раньше не встречала. Оно ползло на четвереньках, каждый коготь – длиной с палец Хэйзел. Вокруг глаз и широченного рта, заполненного неровными акульими зубами, расплзлись розовые пятна.

– Повяжи клочочек своей одежды на дерево, – прошипело существо: когда оно говорило, между зубов показывался длинный розовый язык. – Скажи желание. От имени Ольхового короля я заключу с тобой сделку, и он исполнит все, чего ни попросишь.

В руке девочки затрепетал прихваченный из дома лоскуток, отрезанный от подкладки любимого платья.

– Я хочу, чтобы мой брат поехал в Филадельфию – учиться в музыкальной школе. И чтобы у родителей хватило денег. А я перестану охотиться, пока его не будет.

Существо расхохоталось:

– Смелая девочка! Мне нравится. Но нет: боюсь, ты предложила недостаточную цену. Пообещай мне десять лет жизни.

– Десять лет? – ошеломленно переспросила Хэйзел. Она была готова торговаться, но даже не представляла, что может попросить Народец. Хэйзел отчаянно нуждалась, чтобы Бен научился лучше играть: тогда они снова стали бы командой. Охотясь без него, она чувствовала себя потерянной. Ей пришлось заключить сделку.

– Ты такая молоденькая – куча лет впереди. Что тебе стоит отдать нам несколько? – спросило существо. Оно неслышно подобралось ближе, и девочка разглядела его глаза, темные, как чернильные омуты. – Вряд ли ты будешь по ним скучать.

– Разве вы не бессмертны? – спросила Хэйзел. – Зачем вам чьи-то годы?

– Не чьи-то, – существо село, со скучающим и одновременно грозным видом скребя грязь когтями. – Твои.

– Семь, – отрезала Хэйзел, вспомнив, что Народец любит некоторые числа больше других. – Я отдам семь лет.

Улыбка существа стала шире.

– Дело сделано. Повяжи лоскуток на дерево и возвращайся домой с нашим благословением.

Поднимая над головой руки с клочком развевающейся ткани, Хэйзел колебалась. Все произошло слишком быстро. Существо согласилось, толком не поторговавшись. Душу наводнил холодный страх: она все отчетливей осознавала, что совершила ошибку.

Но в чем же она заключалась? Хэйзел отдавала себе отчет, что умрет на семь лет раньше, но в десять это казалось слишком далеким будущим, которое никогда не станет ближе, чем теперь.

И только по дороге домой, бредя через тьму, девочка поняла: никто не говорил, что годы будут взяты из конца ее жизни. Она просто предположила. А это значит, они могут забрать ее в любой момент, а учитывая, какие шутки со временем играл Народец, семь лет в Волшебном царстве могли продлиться до конца ее дней в бренном мире.

Она ничем не отличалась от тех, кто когда-либо приходил со своими желаниями к дереву. Народец взял над нею верх.

С той ночи Хэйзел пыталась забыть, что живет в долг, старалась отвлечься. Ходила на каждую вечеринку и целовала всех парней подряд, глуша отчаянье весельем и отгоняя нависшую угрозу.

Но ничто не могло ни отвлечь, ни развлечь ее.

Стоя под душем, Хэйзел снова подумала о грецком орехе и записке внутри: Семь годков – отдай должок. Поздно сожалеть, дружок!

Девушка понимала предостережение, хотя не могла взять в толк, почему Народец проявил такую предупредительность. И почему, раз уж пришло время платить по счетам, она все еще в своей комнате? Ее забирали вчера и уже вернули? Поэтому она проснулась вся в грязи? Но зачем ее вернули? Они снова ее заберут? Или за одну человеческую ночь прошло семь волшебных лет? Никто – и уж точно не она – не мог оказаться столь везучим.

Обмотавшись полотенцем, Хэйзел подошла к шкафу и попыталась придумать, что же теперь делать.

Однако в записке все было правдой. Поздно сожалеть, дружок.

Выбрав темно-синее платье, усеянное крошечными розовыми и зелеными птеродактилями, зеленые резиновые сапоги и прозрачный зонтик, Хэйзел надеялась, что веселый наряд поможет ей сохранить присутствие духа. Но, сев на кровать, чтобы натянуть сапоги, девушка заметила на окне грязь. Стекая с притолоки, та оставляла на стекле темные разводы, а на стене рядом кто-то вывел: ВАСМА.

Хэйзел подошла поближе, недоверчиво щурясь. Имя помощника – или, что более вероятно, того, кого следовало опасаться, – было написано на голубых обоях, прямо как в фильме ужасов.

Страшно подумать: какое-то существо из Народца шло за нею до самого дома, а потом уселось на полу спальни и накарябало буквы костлявым пальцем или крючковатым грязным когтем.

На мгновение ей захотелось сбежать вниз и рассказать брату все: о сделке, записке, заляпанных грязью ногах, о страхе, что ее заберут и даже не дадут попрощаться. Когда-то она доверяла ему больше, чем себе; он был ее частью, ее сообщником. Они надеялись уладить все беды в городе. Может, они снова станут такими же близкими, если между ними больше не будет секретов?

Но если брат обо всем узнает, то может подумать, будто это он виноват.

Хэйзел должна была сама о себе позаботиться – она обещала. Девушке не хотелось, чтобы брат узнал, с каким треском она провалилась. Учитывая, что случилось в Филадельфии, она не хотела сделать еще хуже.

Глубоко вздохнув и решив ничего не рассказывать, она спустилась на кухню. Бен уже был там: запихивал в рюкзак обед. Мама оставила на столе тарелку домашних батончиков из мюсли с капустой и изюмом. Хэйзел схватила парочку, пока Бен разливал кофе по кружкам Мейсона.

По дороге в школу Бен и Хэйзел почти не разговаривали: уплетали завтрак. Шипящие динамики его Фольксвагена-«жука» заполняли машину панком с радиостанции соседнего колледжа. Бен зевал и выглядел слишком сонным, чтобы разговаривать; Хэйзел наблюдала за ним и тихонько радовалась, что ведет себя естественно.

К тому времени, когда они доехали до средней школы Фэйрфолда, девушке удалось убедить себя, что Народец не собирается похищать ее прямо сейчас. Они играют с ней, как жестокая кошка с мышкой, и переживания тут ничем не помогут. Входя в школу, Хэйзел уже совершенно в это поверила. Издалека Джек и Картер, шедшие по коридору, казались зеркальными отражениями друг друга – за исключением единственной детали: одной рукой Картер обнимал за плечи излучающую самодовольство Аманду Уоткинс. Очевидно, Аманда наконец-то заполучила Картера. Больше никаких теней; ей все-таки удалось завладеть оригиналом.

Хэйзел тут же возмутилась: Картер лицемерил, упрекая ее, что она разбивает сердца, а сам вместе с Амандой разбил сердце собственного брата!

Но потом она задумалась: а знал ли Картер, что Аманда считала Джека его тенью? Хэйзел бросила взгляд на ничего не выражающее лицо Джека. Она была

готова поклясться: он ничего не рассказал брату.

Мысль о том, что Джек сохнет по Аманде, пока та строит глазки Картеру, привела Хэйзел в ярость. Ощувив собственную беспомощность, девушке захотелось как следует врезать Аманде. И снова поцеловать Джека – так отчаянно, чтобы сила ее поцелуя изгнала Аманду из его головы; так страстно, чтобы все остальные парни, даже Картер, впечатлились тем, какой Джек привлекательный.

Но воображая, как она пересечет коридор и действительно это сделает, Хэйзел вспомнила странно огорченное выражение на лице Джека, когда тот отпрянул после их поцелуя на вечеринке. Ей бы не хотелось, чтобы он снова так на нее смотрел.

– Что там происходит? – отвлек сестру Бен, кивая на группку ребят из церковной школы. Они застряли у дверей в класс, и вокруг них собралась уже целая толпа.

– Его там больше нет, – рассказывала, обхватив себя руками, Шарлиз Поттс. На ней была огромная неуклюжая толстовка и розовые джеггинсы; светлые до белизны волосы рассыпались по плечам. – Мы ходили в лес перед школой – пытались немного прибраться. Сами знаете, чтобы туристы не спотыкались обо все эти бутылки, которые вы там кидаете. Пастор Кевин не хочет, чтобы городу приходилось краснеть. Гроб был пуст. Расколот. Думаю, кто-то его все-таки разбил.

Хэйзел замерла. Все остальные мысли улетучились из головы.

– Он не мог просто взять и уйти, – заметил кто-то.

– Должно быть, его тело украли.

– Это, наверное, шутка.

– А что случилось той ночью?

– Ну, Том в больнице – упал с лестницы и сломал обе ноги. Так что это точно не он.

Сердце Хэйзел пустилось вскачь. Не может быть, чтобы они говорили о нем. Просто не может. Девушка медленно шагнула ближе, чувствуя, будто двигается через что-то гораздо более плотное, чем обычный воздух. Длинные ноги Бена пронесли его мимо сестры в толпу. Через несколько секунд он оглянулся на Хэйзел; его глаза сияли. Он мог бы ничего не говорить – об этом и так болтали все вокруг, – но все равно схватил сестру за плечо и прошептал на ухо, будто поверяя секрет:

– Он проснулся, – порывистое дыхание брата взметнуло ее волосы. Его голос был низким и напряженным. – Рогатый мальчик – принц – он свободен. Свободен и может быть где угодно. Надо найти его прежде, чем это сделает кто-нибудь другой.

– Даже не знаю, – замялась Хэйзел. – Мы вроде больше ничем таким не занимаемся.

– Вспомним старые добрые времена, – подбодрил сестру Бен. Его глаза не были такими лучистыми уже много лет, губы растянулись в улыбке. – Одиноким мечник и его верный соратник возвращаются, чтобы принять последний бой. Знаешь, почему?

– Потому что он – наш принц, – ответила Хэйзел, понимая, что это чистая правда. Они должны быть теми, кто спасет его. Она должна быть той, кто спасет его. Возможно, это будет их с Беном последнее приключение.

– Потому что он – наш принц, – повторил Бен, словно «аминь» в конце молитвы.

Глава 5

Давным-давно девочка нашла в лесу труп.

Родители воспитывали девочку и ее брата с тем же нарочитым пренебрежением, с которым заботились о трех кошках и таксе по имени Виски, тоже жившими в их маленьком домике. У родителей были длинные волосы и друзья-альтернативщики, они пили вино, наяривали на гитарах, до поздней ночи

толковали об искусстве и разрешали девочке с мальчиком бегать без подгузников. Они рисовали дни напролет, прерываясь, только чтобы вынести бутылки и постирать что под руку попадет – хотя даже чистые вещи немного отдавали скипидаром. Дети ели что придется, возились в грязи в саду, играли в не пойми что и мылись, только когда кто-нибудь хватал их и бросал в озеро.

При взгляде в прошлое детство казалось девочке восхитительной мешаниной из лесных догонялок с братом и собакой, поношенной одежды и маргаритковых венков. Из забегов к гробу рогатого мальчика, песен и бесконечных историй о нем, возвращений домой поздними вечерами, когда они походили на диких зверей, крадущихся в берлогу.

Они считали себя детьми леса, которые исследуют берега озер и прячутся в дуплах мертвых деревьев. Иногда они мельком – краешком глаза – видели Народец или слышали смех, раздающийся одновременно отовсюду и ниоткуда. Они знали, что нужно надевать обереги, всегда носить в карманах немного могильной земли и быть осторожными и вежливыми с незнакомцами – ведь может оказаться, что они не люди. Но знать, что Народец бывает опасным – это одно, а найти останки Адама Хикса – совсем другое.

* * *

В тот день Хэйзел нарядилась, как рыцарь: синее полотенце болталось на шее, словно плащ, а талия была перевязана шарфом, играющим роль кушака. Девочка неслась вперед, и ее рыжие волосы трепетали за спиной, отливая золотом в лучах ленивого вечернего солнца.

Бен весь день бился с ней на мечах. У него был пластиковый меч Хи-Мена [3 - Главный герой американского мультипликационного сериала «Хи-Мен и властелины вселенной»], принесенный мамой из секонд-хенда вместе с книгой о рыцарях короля Артура. Там рассказывались истории о сэре Пелиноре, который, по общему мнению, был одним из Народца, пока не присоединился ко двору Артура, и о сэре Гавейне, который развеял проклятие, наложенное на Отвратительную леди. Еще в книге приводился список рыцарских добродетелей: сила, доблесть, преданность, обходительность, сострадание и самоотверженность.

Хэйзел тоже хотела меч, но получила куклу, которая «писалась», если наполнить ее водой и нажать на живот. Бен, довольный, что получил подарок получше, гонялся за сестрой, пластиковым клинком выбивая из ее рук палочки. В конце концов расстроенная Хэйзел отправилась в папин сарай и откопала там старый ржавый мачете. Она так сильно ударила по «смертоносному» оружию Бена, что оно треснуло. Мальчик поплелся домой за клеем, а она исполнила ему вслед танец девятилетнего триумфатора.

Оставшись одна, Хэйзел сразилась с сухими папоротниками, воображая, что они – ужасное легендарное чудовище, таящееся в самом сердце леса. Она даже прошептала несколько строчек заклинания, чувствуя себя ужасно смелой. Но скоро заскучала и отправилась на поиски ежевики, заткнув мачете за кушак и перепрыгивая через бурьян. Виски сначала бежал за ней, но потом пропал из виду. А через пару минут залился лаем.

Адам Хикс с посиневшими губами лежал в иле на берегу озера Уайт. Пустые глазницы уставились в небо, внутри копошились личинки – бледные и блестящие, словно маленькие жемчужины. Тело наполовину высывалось из воды. Вторая половина была съедена. Из клочьями висящей плоти, которая полоскалась в воде, будто полоски разорванной ткани, торчали белые кости. На берегу пахло, как в тот раз, когда она на всю ночь забыла сырой бифштекс на кухонном столе.

Виски бегал туда-сюда, обнюхивал тело и выл, будто думал, что Адама можно разбудить.

– Уйди оттуда, – попыталась отозвать его Хэйзел, но с губ сорвался лишь едва различимый шепот. Девочка понимала, что брат вернется еще не скоро – прошло слишком мало времени. Она знала, что у озера были только она и ее собака.

И задрожала всем телом.

Родители Адама переехали в Фэйрфорд год назад, поэтому их нельзя было назвать совсем уж туристами, но и до конца местными они еще не стали. Опасная неопределенность, соблазнительная для Народца. Они тоже – промежуточные существа: создания утренней зари и вечерних сумерек, пребывающие на грани одного и другого, балансирующие между не совсем и почти, живущие на границе и в полутени.

Смотря на зеленоватую воду и стараясь не глядеть на красные провалы, зияющие на месте глаз Адама, Хэйзел вспоминала о рыцарях из книги, которую читала утром. Девочка думала, что она – одна из них, пытаюсь сдержать тошноту.

Виски лаял все яростней.

Хэйзел пыталась отогнать пса, когда вокруг ее лодыжки обвилась влажная рука. Девочка закричала, неловко нащупывая мачете и с трудом топчя свободной ногой цепкую бледно-лягушачью руку. Из темной воды поднялась ведьма. Ее впалое лицо напоминало череп с мутными глазами, а длинные зеленые волосы плескались по глади озера. Прикосновение ее руки жгло, будто ледяной огонь.

Хэйзел удалось размахнуться клинком, когда ведьма внезапно дернула ее за ногу. Девочка с размаху упала на спину. С тела Адама взметнулось черное облако мух. Хэйзел почувствовала, что ее тащат к воде, но со смутным и страшным удовлетворением отметила, что порез на ведьминой щеке кровоточит. Хэйзел должна повергнуть ее.

– Девчущечка, – проскрежетала ведьма. – На один укус. Кожа да кости. Не бузи, лакомый кусочек.

Хэйзел закрыла глаза и изо всех сил размахнулась мачете. Ведьма зашипела, как кошка, и схватилась за лезвие. Оно вонзилось в ведьмины пальцы, но та его удержала, вырвала из рук девочки и зашвырнула далеко в озеро. Услышанный всплеск заставил желудок Хэйзел сжаться.

Виски вцепился в ведьмину руку и зарычал.

– Нет! – закричала Хэйзел. – Нет! Пошел прочь, Виски!

Собака, не ослабляя хватки, мотала головой. Ведьма вздернула длинную зеленую руку высоко в воздух. Задние лапы Виски тоже оторвались от земли, но зубы по-прежнему сжимали плоть, будто срослись с костью. И тут ведьмина рука метнулась вниз, шлепнув пса о землю, как будто он ничего не весил. Как будто он был ничем. Собака затихла, свалившись на берег, как сломанная игрушка.

– Нет-нет-нет, – застонала Хэйзел, потянувшись к Виски, но он был слишком далеко. Ее пальцы царапали грязь, оставляя в ней канавки.

И тут до девочки донеслись далекие звуки музыки. Дудочка Бена. Неделю назад он повесил ее на шею на грязный шнурок, окрестив себя бардом, и с тех пор не снимал. Слишком поздно. Слишком поздно.

Хэйзел попыталась подползти к тельцу Виски, рванувшись из ледяной ведьминой хватки. Но, как бы девочка ни брыкалась, ее ноги уже коснулись воды. Брызги разлетались во все стороны – Хэйзел не переставала бороться.

– Бен! – закричала она срывающимся от ужаса голосом. – Бен!

Музыка не смолкла, но стала ближе – такая красивая, что деревья склоняли ветви к земле, чтобы лучше ее расслышать. И такая бесполезная... На глаза Хэйзел навернулись слезы: страх и разочарование смешались с паникой. Почему брат не прекратит играть и не придет ей на помощь? Разве он ее не слышит? Ноги девочки скользнули в воду, и их тут же обволокла тина. Хэйзел глубоко вдохнула, готовясь задержать дыхание, насколько только сможет. Больно ли тонуть? Остались ли у нее силы бороться?

Но вдруг ведьма ослабила хватку. Хэйзел кинулась на берег, не задумываясь о том, почему ей удалось освободиться, пока не оказалась за поваленным деревом и, тяжело дыша, не привалилась спиной к вязу. Бен, бледный и испуганный, стоял у самой кромки воды и играл, будто от этого зависела его жизнь.

Нет. От этого зависела ее жизнь. Ведьма в восхищении уставилась на мальчика. Рыбьи глаза не моргали, а губы еле заметно шевелились, словно она повторяла мелодию. Хэйзел знала, что Народец любит музыку, особенно столь прекрасную, но не подозревала, что музыка способна сотворить с ними такое.

Она поняла, что Бен заметил тело Виски: брат, пошатнувшись, сделал полшага вперед, закрыл глаза, но ни на секунду не перестал играть.

Взгляд Хэйзел уперся в берег, где она упала: в грязи отпечатались следы борьбы, рядом лежал разлагающийся труп Адама и тельце Виски; над ними, жужжа, вились мухи. Но было и что-то еще: на солнце поблескивала... рукоять? Нож? Адам принес с собой оружие?

Хэйзел медленно поползла обратно на берег, к водяной ведьме.

Бен уставился на нее широко раскрытыми глазами и предостерегающе потряс головой.

Хэйзел, не обращая на брата внимания, прокладывала путь к ножу, который лежал в грязи. Девочка ощущала только странное оцепенение и злость. Наконец она ухватилась за рукоятку, сжала ее и потянула. Грязь хлюпнула, когда лезвие выскользнуло на свободу. Металл почернел, будто побывал в огне, а под копотью оказался золотым. Острие было гораздо длиннее, чем она ожидала – длиннее даже, чем самый большой мамин кухонный нож, с желобком посередине. Это был меч. Настоящий меч вроде тех, что мог бы принадлежать настоящему взрослому рыцарю.

Мысли Хэйзел понеслись вскачь, но она продолжала идти, бесконечно повторяя про себя: Я рыцарь. Я рыцарь. Я рыцарь. Рыцарь получше спас бы Виски, но она, по крайней мере, может отомстить за его смерть. Девочка вступила в илистую воду, подняла тяжелый меч, словно бейсбольную биту, и обрушила его вниз, прямо ведьме на голову. Череп раскололся, как гнилая дыня.

Чудовище рухнуло в воду – мертвое.

– Ого, – выдохнул Бен. Подойдя ближе, он выпустил дудочку, снова повисшую у него на шее, и склонился, чтобы получше изучить красное месиво из костей, покрытых лишайником зубов и плавающих в воде прядей. Он пнул ведьмины останки мыском ботинка. – Не думал, что ты ее правда убьешь.

Хэйзел не знала, как ответить. Она не поняла, считает ли брат, будто она поступила плохо, или просто удивляется, что это сработало.

– Где ты его взяла? – спросил он, указывая на меч.

– Нашла, – прерывисто дыша, ответила Хэйзел. Из глаз потекли слезы – хоть девочка, отчаянно моргая, и пыталась загнать их обратно.

Бен потянулся, явно собираясь забрать у нее оружие. Может, вспомнил о своем сломанном мече Хи-Мена и подумал, что клинок в ее руке окажется хорошей

заменой. Но Хэйзел сделала полшага назад.

Брат скорчил рожу, делая вид, что вовсе его и не хотел.

– С твоим мечом и моей музыкой мы могли бы такого натворить! Бороться со злом. Как в книжках.

Несмотря на смерть Адама, собаки и все остальное, Хэйзел улыбнулась и рукавом рубашки вытерла кровавые брызги с носа:

– Думаешь?

Дети могут быть жестокими, восстанавливая справедливость; могут убивать чудовищ и очень этим гордиться. Девочка, которая не давит пауков, а выносит их на улицу, которая однажды кормила лисенка из пипетки каждые два часа, пока не приехали сотрудники службы спасения дикой природы и не забрали его, – может убить и будет готова сделать это снова. Она может отнести своего мертвого пса домой, вырыть глубокую яму на заднем дворе и плакать над холодным окоченевшим тельцем, обещая никогда его не забывать. Она может смотреть на брата и верить, что вместе они – рыцарь и бард, которые сражаются со злом и однажды победят даже чудовище, живущее в самом сердце леса. Девочка может найти мертвого мальчика и потерять собаку, но верить, что в ее силах сделать так, чтобы больше никто не погиб.

Хэйзел верила, что она неспроста нашла меч.

К тому времени, как ей исполнилось десять, они с Беном встретили еще двух чудовищ – фей с кровью туристов на руках, которые жаждали заманить и их в ловушку. Бен убаюкал их своей музыкой, а Хэйзел подкралась и повергла своим мечом – к тому времени отшлифованным и отполированным, начищенным маслом и закрашенным черной краской, чтобы скрыть яркое золото.

Иногда они слышали, как кто-то из Народца преследовал их от дома до школы, шурша краем леса. Хэйзел ждала, но они никогда не нападали. Фейская мораль была далека от человеческой: волшебные существа наказывали грубиянов и сорвиголов, хвастунов и мошенников, но не храбрецов, ловкачей и героев. Таких они считали «своими». Так что, если Ольховый король и заметил этих детей, то решил потянуть время и посмотреть, на что еще они способны.

Поэтому Хэйзел и Бен продолжали охотиться на чудовищ и мечтать о спасении рогатого принца – пока однажды Бен не сбился. Они шли по лесу, когда черный, лохматый красноглазый баргест выпрыгнул на них из тени. Хэйзел встала наизготовку, вытащила меч из самодельных ножен и стиснула зубы. Бен заиграл на своей дудочке, но мелодия – впервые – вдруг оборвалась. Удивленная Хэйзел обернулась к нему. Это заняло всего мгновение – едва различимое движение, один взгляд, брошенный на брата, но и секундного промедления оказалось достаточно. Клыки баргеста вонзились в руку Хэйзел, а она лишь неглубоко ранила его в бок, прежде чем он пронесся мимо нее. Задыхаясь и истекая кровью, она попыталась удержать равновесие, поднять меч и нанести новый удар.

Чудовище повернуло назад. Девочка ожидала, что Бен подхватит мелодию, но тот будто в камень обратился. Что-то пошло не так. Баргест приближался к ней – его горячее дыхание воняло застарелой кровью. Длинный хвост подметал землю.

– Бен! – позвала она дрожащим голосом.

– Я не могу... – прошептал он, чуть ли не задыхаясь от паники. – Беги! Беги! Я не могу...

И они бросились бежать. Баргест не отставал, петляя между деревьями, как леопард. Дети бежали, не останавливаясь, пока им не удалось втиснуться в дупло дуба, где они и притаились: с глухо бьющимися сердцами, прислушиваясь, не мелькнет ли где-нибудь хвост и не раздадутся ли тяжелые шаги. Они сидели там до самого вечера, пока солнце не поползло за горизонт. Только тогда брат с сестрой решились красться домой, опасаясь, что чудовище поджидает неподалеку, или – еще хуже – обнаружит их убежище после захода солнца.

– Мы должны прекратить – хотя бы пока не станем старше, – настаивал Бен позже ночью, сидя на заднем крыльце дома и глядя, как мама – в обрезанных шортах и старой, дырявой футболке клуба CBGB[4 - CBGB – музыкальный клуб, существовавший с 1973 по 2006 год на Манхэттене.] – жарит гамбургеры. – Это сложнее, чем я думал. Вдруг что-то пойдет не так? Вдруг ты пострадаешь? Я буду виноват.

Ты это сам придумал, хотела сказать Хэйзел. Заставил меня поверить, что мы способны на такое. Ты не можешь забрать свои слова обратно. Но вместо этого заметила:

- Не я же все испортила.

Он покачал головой:

- Это да, но все гораздо хуже. Потому что я могу снова ошибиться и погублю нас обоих. Наверняка так и будет. Может, если бы мне удалось попасть в ту школу, если бы я научился лучше владеть музыкой, тогда...

- За меня не волнуйся, - заявила она, ковыряя голыми пальцами ног землю и покусывая рыжую прядь. - Я же рыцарь. Позаботиться о себе - моя прямая обязанность. И я не хочу останавливаться.

Бен тяжело вздохнул. Его пальцы отбивали нервную чечетку по бедру:

- Тогда мы просто сделаем перерыв. На какое-то время. Пока я не стану лучше играть. Я должен научиться играть лучше.

Хэйзел кивнула. Если это нужно, чтобы она осталась рыцарем, чтобы все были спасены, чтобы они могли продолжать игру и быть как герои из книжки, - тогда она найдет способ.

И она его нашла.

Глава 6

В те нескончаемые безрассудные дни, когда Хэйзел и Бен бродили по округе, играя в свою игру и сталкиваясь с настоящей опасностью, Бен плел небылицы о том, как они разбудят принца: уверял, что Хэйзел может разбудить его, поцеловав через стекло гроба. Не слишком свежая идея. Если бы кто-нибудь решил протереть гроб, то обнаружил бы многие тысячи отпечатков губ - целые поколения ртов прижимались к стеклу, за которым спал рогатый мальчик. Но

брат с сестрой не знали, что будет потом. Они воображали, как поцелуй Хэйзел разбудит принца, и тот скажет, что только истинная любовь может снять с него заклятье, справившись с тремя испытаниями: обычно нужно было правильно определить птиц, обогнуть, а потом съесть все ягоды с ежевичного куста или семь раз перепрыгнуть ручей, не замочив ног.

Хэйзел ни разу не проходила до конца придуманные Беном задания. Она всегда оставляла последнюю ягодку на ветке или нарочно мочила ногу, но брату в этом никогда не признавалась. Девочка знала, что испытания не были по-настоящему волшебными. Но каждый раз, когда она оказывалась близка к их завершению, ей почему-то становилось не по себе.

Иногда Бен мечтал, как сам освободит принца, сказав три волшебные слова, которые никогда не произносил при Хэйзел вслух. В этих историях принц всегда оказывался злодеем. Бен должен был остановить его прежде, чем тот разрушит Фэйрфорд, причем делал это силой любви. Потому что, несмотря на свое жестокое сердце, когда принц видел, как Бен любит его, он щадил и город, и жителей. Тогда Хэйзел не казалось странным, что у них с братом один воображаемый возлюбленный на двоих. Они любили его, потому что он был принцем, эльфом и волшебником, а принца, эльфа и волшебника невозможно не полюбить. Они любили его, как любили Чудовище, когда тот впервые танцевал с Белль в желтом платье; как Одиннадцатого Доктора с его галстуком-бабочкой и легкомысленной прической; как Десятого Доктора с его безумным смехом. Любили, как солистов музыкальных групп и актеров фильмов, и совместная любовь их только сближала.

Принц не казался настоящим. Он не мог любить их в ответ. И ему никогда не приходилось между ними выбирать.

Но теперь он проснулся. И это все меняло.

Подобные мысли носились между Хэйзел и Беном, пока они шли из школы к машине.

Внутренний голос тихонько нашептывал девушке: она неслучайно обнаружила перепачканные в земле ноги именно утром той ночи, когда проснулся принц. В ее груди затрепетала хрупкая надежда, но Хэйзел была очень осторожна – и позволила себе думать об этом лишь мгновение-другое, будто, глядя на что-либо

столь драгоценное, могла ослепнуть.

- Подождите! – раздался голос позади них.

Хэйзел обернулась. Вниз по ступенькам бежал Джек в пятнистой от дождя футболке: куртку он оставил внутри.

Все вместе они завернули за угол школы и нырнули под навес. Здесь их не могли увидеть учителя, и было достаточно сухо, чтобы спокойно поговорить. Сюда приходили покурить школьные смотрители: если вы на них не стучали, то и они смотрели на ваши шалости сквозь пальцы. Хэйзел не ожидала, что такой правильный парень, как Джек, знал об этом – но, очевидно, ошибалась на его счет.

- Мы его найдем, – улыбаясь, сообщил Бен. Его голос звучал так, будто они собирались сыграть в игру. Очень интересную игру.

- Не надо, – выдохнул Джек и уставился в сторону футбольного поля. Казалось, он очень тщательно подбирает слова. – Кем бы вы его ни считали, он будет не таким, каким вам представляется. – Дальнейшее далось ему с видимым усилием. – Вы не должны ему верить. Он не человек.

Между друзьями повисла продолжительная тишина. Бен поднял брови.

Джек скривился:

- Да, знаю, окей. Нелепо, конечно, говорить вам об этом, я ведь тоже не человек.

- Тогда пошли с нами, – предложила Хэйзел, протягивая свой зонтик. – Поделишься своим бесценным нечеловеческим опытом.

Джек покачал головой и слабо улыбнулся:

- Мама меня живьем съест, если я пропущу научную викторину. Ты же знаешь, какая она. Это не может подождать до конца уроков?

Обязательными семейными играми по воскресеньям дело не ограничивалось: мама Джека была из тех родителей, которые упаковывают обеды своих детей в секционные контейнеры, точно знают, что их чада проходят на каждом уроке, контролируют время у телевизора и следят за выполнением домашних заданий. Ко всему прочему, она хотела, чтобы Джек с Картером поступили в университет Лиги плюща – разумеется, не очень далеко от Фэйрфолда, чтобы приезжать по выходным и забирать их вещи в стирку. Ничто не должно было этому помешать.

Если бы Джек прогулял школу, его бы посадили под домашний арест до окончания времен.

– Это единственное грандиозное событие, которое здесь когда-либо происходило, – заявил Бен, закатывая глаза. – Кого волнуют тесты? В твоей жизни будет еще миллион викторин.

Джек наклонил голову вперед: скулы как будто стали острее, а глаза ярче загорелись серебром. Когда он заговорил нараспев, его голос был незнакомым:

– Есть много вещей, которые мне запрещено рассказывать, ибо я связан обещаниями и угрозой кары. Я трижды предостерегу вас – это все, что мне дозволено, прислушайтесь же ко мне. Нечто еще более опасное, чем ваш принц, таится в его тени. Не ищите его.

– Джек? – позвала обескураженная Хэйзел, отступая от него. Хотя она не на жизнь, а на смерть схватывалась с водной ведьмой и баргестом, в прекрасных загадочных феях было нечто, пугавшее девушку еще сильнее. Сейчас Джек походил на одну из них – и ни капельки на себя. – В каком смысле дозволено? Почему ты так говоришь?

– Ольховый король охотится за рогатым мальчиком. Он преследует и того, кто разрушил проклятие. И не он один. Если вы поможете мальчику, то рискуете навлечь на себя беду. Никакой принц этого не стоит.

Хэйзел снова подумала об исцарапанных руках, выпавшей из памяти ночи и земле на ногах.

– Притормози-ка. Хочешь сказать, лесной Народец пытается его убить? – спросил Бен. – Значит, все это время ты знал тайну принца и даже не потрудился нам

рассказать?

– Я рассказываю вам все, что могу, – возразил Джек. – Ваш принц может быть в опасности, но он и сам опасен. Оставьте все, как есть!

– Но почему? Что он сделал? – не унималась Хэйзел.

Джек покачал головой:

– Это было третье предостережение. Больше я ничего не могу рассказать.

Хэйзел повернулась к брату:

– Может...

Бен выглядел разочарованным, но не удивленным. Этот странный новый Джек явно не казался ему таким уж странным или новым.

– Я ценю твои слова и все остальное, Джек... и мы будем осторожны, как только сможем... но я хочу попытаться найти его. Хочу помочь.

– Ничего другого я и не ожидал, – Джек улыбнулся и снова стал самим собой – во всяком случае, внешне.

От этой знакомой улыбки у Хэйзел мурашки пробежали по спине. Она всегда думала о Джеке как о хорошем – временами, правда, язвительном – парне из добропорядочной семьи; парне с идеальными манерами, который любит читать биографии и, вероятнее всего, станет адвокатом, как мама, или врачом, как папа. Она помнила, что он – подменыш, и это, конечно, давало ему право на определенные странности, однако в городе, полном странностей, случались вещи и постранней. Но сейчас, стоя под дождем и внимательно глядя на Джека, Хэйзел вдруг увидела в нем незнакомца.

– Хорошо, – продолжил Джек. – Постарайтесь не умереть от рук очаровательного параноидального эльфа, который, верно, мнит, будто застрял в сказке. А я постараюсь не завалить физику.

– Как ты... Почему ты все это рассказал? – спросила Хэйзел. – Откуда ты вообще узнал?

– А ты как думаешь? – тихо спросил Джек. С этими словами он повернулся и побежал под дождем обратно к школе – вдалеке слышалось дребезжание звонка. Хэйзел смотрела, как играют мышцы под мокрой футболкой, гадая, что значат его слова, и пытаюсь...

Ох. Пытаясь понять, откуда он знает то, о чем ему могла рассказать только лесная родня. Девушка смотрела на спешащего на урок Джека – как она могла знать его так долго и не догадываться?! Она-то думала, что он счастлив, живя человеческой жизнью; думала, будто он живет только человеческой жизнью.

– Пойдем, – позвал сестру Бен, направляясь к машине. – Пока нас не застукали.

Хэйзел скользнула на пассажирское сиденье, сложила зонтик и кинула его назад. Джек сбил ее с толку. Но еще сильнее, чем опасностей, о которых он предупредил, она боялась, что они не найдут вообще никаких следов рогатого мальчика. Что он станет одной из тех загадок, которую никогда не удастся разгадать, превратится в историю из тех, что рассказывают друг другу жители Фэйрфорда – и в которые никто по-настоящему не верит. «Помните, в хрустальном гробу спал красивый эльфийский мальчик? – будут говорить они друг другу и кивать, вспоминая. – Что же с ним стало?» В таких историях мерцают блуждающие огоньки, уводящие путников все дальше и дальше в чащу темного леса.

Хэйзел в избытке насмотрелась, какими ужасными могут быть феи, но ее все равно занимали рассказы о прекрасном и удивительном Народце. Она охотилась на них и боялась их, но, как и все остальные фэйрфордцы, любила тоже.

– Джек когда-нибудь так с тобой разговаривал? – спросила Хэйзел, пока Бен выруливал с парковки, разгоняя дворниками дождевые потоки. Небо так плотно затянуло светло-серыми тучами, что девушка не могла различить, где заканчивается одно облако и начинается другое.

Бен окинул сестру взглядом.

– Не совсем...

– Жутковато было, – она не знала, что тут еще скажешь. Хэйзел по-прежнему не могла понять, что в конечном итоге произошло. Джек на мгновение снял маску – видимо, нарочно, – и девушка почувствовала себя ужасно глупой, ведь она только сейчас поняла, что он ее вообще носит. – Значит, он с ними видится?

Бен неопределенно пожал плечами:

– Со своей другой семьей? Ну да.

Хэйзел не хотела признаваться, что ощутила себя преданной. Хотя, если у Джека есть секреты, которые он вынужден хранить, Бен, конечно, тоже не должен их раскрывать.

– Окей, если мы собираемся искать принца вопреки ценному совету Джека, с чего начнем?

Бен покачал головой и усмехнулся:

– Без понятия. Где бы ты стала искать того, кого на самом деле и быть-то не может?

Хэйзел задумалась, покусывая губу.

– Точно не в городе. Там машины и огни.

– Если он пойдет к своему народу, то, вероятно, умрет, – Бен вздохнул, сгорбившись над рулем – возможно, одолеваемый теми же мыслями и страхами, что и сестра. Вдруг они ничего не найдут, вдруг играют в игру, которую давно переросли? А может, он вспоминал, как волшебство подвело его однажды, и думал, не повторится ли это вновь? Хэйзел в который раз захотелось сказать, что она проснулась с землей на ногах и осколками стекла в ладонях, но теперь это прозвучало бы почти хвастовством. А чтобы объяснить, почему на самом деле это не так, придется слишком многое рассказать.

В их семье не очень-то умели обсуждать по-настоящему серьезные вещи. А у Хэйзел получалось даже хуже, чем у остальных. Стоило ей только попробовать, как возникало ощущение, будто все цепи на всех ее воображаемых сейфах и

сундуках начинают дребезжать. Девушка не была уверена, что сможет остановиться, если решится заговорить.

– Собственный народ предал его. Принц догадается, что к феям ему лучше не возвращаться, – сказала Хэйзел, наблюдая за бегущими по стеклу дворниками. В памяти ожили знакомые ощущения: охота, планы, поиски логова феи, сражение с чудовищем. Хэйзел считала, что отказалась от мечты быть рыцарем много лет назад, но, возможно, не так окончательно и бесповоротно, как предполагала.

Бен пожал плечами:

– Окей. Но где он тогда?

Девушка закрыла глаза и попыталась представить себя на месте рогатого мальчика, очнувшегося после долгого сна и сперва даже не понимающего, где он находится. Он в панике мечется в стеклянном гробу. Но, увидев острые края крышки, понимает, что стекло разбито, и успокаивается. Смотрит в зеленую темень леса, а в голову одно за другим возвращаются воспоминания о том, что он делал, пока его не заколдовали. А после...

– Я бы захотела поесть, – заявила она. – Какой голод, наверное, испытываешь, когда не ешь годами! Даже если мне это не нужно, я бы все равно захотела.

– Но он не такой, как мы.

– А вот Джек такой, – парировала Хэйзел, надеясь, что это правда. – А принц – как Джек.

Бен тяжело вздохнул:

– Хорошо, но ты ведь не пойдешь в «Макдоналдс» на стоянке. У тебя нет налички. Что же ты будешь есть?

– Я бы искала каштаны. – Несколько лет назад, когда библиотека избавлялась от старых, драных, странных и неходовых книг, Хэйзел купила определитель съедобных растений всего за двадцать пять центов. Благодаря этой книге они с

Беном умудрялись не травиться, собирая листья одуванчиков, дикий лук и другие съедобные растения. – Но каштаны нужно жарить. Подошли бы птичьи яйца, но попробуй их найди в это время года.

Бен кивнул, похоже, глубоко уйдя в свои мысли. Они как раз проезжали мимо той части леса, где раньше спал рогатый мальчик.

– Или он попытается найти орешник.

Хэйзел было фыркнула, но тут вспомнила о месте, где собирала лесные орехи, прежде чем они зачервивеют. Девушка оставляла их сушиться под солнцем на камне.

– У меня есть идея!

Они остановились у озера Уайт и пошли дальше пешком. Орешник рос неподалеку от развалин старого, оплетенного виноградом каменного дома – милях в четырех вглубь леса и милях в двух от стеклянного гроба. Идеальное место, чтобы отсидеться. От одной только мысли, что она может оказаться права, по коже Хэйзел побежали мурашки.

Дождь все лил, хотя навес из листьев кое-как спасал. Хэйзел мысленно поблагодарила себя за сапоги: можно спокойно топтать по грязи и мху. Они с Беном пробирались через поваленные сухие деревья и ежевичные заросли, цепляющиеся за одежду. Шли мимо облепихи и бирючины, мимо американского кандыка, растущего плотным ковром, и луносемянника, на широких листьях которого скапливалась вода; мимо стапелии, чьи похожие на космические спутники цветки клонились под порывами ветра, мимо глицинии и лимонной мяты, мимо недотроги, молочая и хохлатого гречишника, мимо ночной фиалки, лугового чая и зарослей папоротника. Зонтик помогал отодвигать с пути виноградные лозы и при этом оставаться сухими.

Вскоре брат с сестрой увидели каменный дом, увитый виноградом. Крыша провалилась несколько лет назад, и хотя на ржавых петлях еще держалась полоска видавшей виды древесины, дверью это было назвать трудно. Бен обогнал Хэйзел, а она, наоборот, замедлила шаг.

Внезапно девушка машинально завела руку за спину.

Бен, нахмурившись, обернулся к ней:

– Ты что делаешь?

Хэйзел расправила плечи. К чему она потянулась – к поясу? к карману? Но там ничего не было...

– У тебя там пистолет? – посмеиваясь, поинтересовался Бен, не замедляя шага.

Хэйзел толком не знала, ни что, собственно, заставило ее замереть, ни за чем она потянулась. Затем она вспомнила, как Джек просил их быть осторожнее и как в миску вместо молока полилась простокваша; вспомнила записку в кармане куртки Бена и то, как охотилась на фей. Размышляя обо всем этом, она аккуратно закрыла зонтик.

Бен нырнул в дверной проем и всего несколько мгновений спустя вынырнул обратно: на его лице сияла счастливейшая улыбка.

– Ты была права. Думаю, ты была права!

Хэйзел поспешила в дом вслед за братом. Они с Беном бывали здесь раньше: играли много лет назад в волшебников из Хогвартса – варили зелья из сорняков. Сквозь дырявую крышу лил дождь. Серый, изъеденный термитами стол привалился к одной из каменных стен.

На столешнице лежали шкурки начисто объеденной хурмы: в воздухе стоял тяжелый пряный аромат. Рядом возвышалась горстка сушеной травы, из которой Хэйзел узнала только мяту. По столу рассыпались несколько лисичек и крошечные черные ягодки бузины – словно бусины из порванного ожерелья.

Тут же лежал отливающий золотом кинжал с ручкой из слоновой кости и изогнутым лезвием. Он напомнил девушке меч, найденный в детстве.

– Черт! – вырвалось у Хэйзел. Она подошла ближе, но остановилась прежде, чем ее пальцы коснулись острия. Девушка оглянулась на Бена. Тот безумно и благоговейно улыбался.

– Принц и правда был здесь, – заключила она.

– Он же вернется за всем этим? – предположил Бен. – Если мы подождем, то поймем его, когда он придет.

Хэйзел кивнула, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она уселась на приступочек, оставшийся от очага, а Бен прислонился к стене. Уже через пару минут девушке начало казаться, что она примерзла к холодным камням. Хэйзел пыталась успокоиться, глядя, как дождевые капли, залетающие через пустое окно, собираются в лужицу на полу.

– Знаешь, говорят, будто стоит только раз попробовать фейской еды, и больше никогда не сможешь насытиться, – сказал вдруг Бен.

– Знаю, конечно, – ответила Хэйзел, подумав о ягодах на столе.

– Я думаю: может, и Фэйрфорд такой? Интересно, был бы я счастлив где-нибудь еще? Была бы ты счастлива? Или мы не подходим для других мест?

Ее сердце пропустило удар. Он никогда не говорил о колледже и не получал никаких рекламных брошюр по почте. Хэйзел понятия не имела, что брат собирается делать в следующем году, когда окончит школу.

– Если ты уедешь, и тебе там не понравится, ты всегда можешь вернуться, – пробормотала она. – Как мама с папой.

Он скорчил рожу:

– Предпочел бы не превращаться в наших родителей. Я все еще надеюсь встретить кого-нибудь, живущего удивительной жизнью, и ускользнуть в нее.

Хэйзел вспомнила, что в ту ночь, когда он вернулся со своего последнего свидания, она, благодаря игре света, могла почти что смотреть сквозь него. А вдруг в этом было больше истины, чем она могла предположить?

– Города похожи на темный зачарованный лес Фэйрфорда, правда? – продолжал Бен. – Города, в которых происходят истории, как в фильмах. Люди

отправляются туда, чтобы измениться. Чтобы начать все сначала. Думаю, там я смогу стать кем угодно. Может быть, даже нормальным.

Хэйзел вспомнила, что их родители говорили о «нормальных». А потом поняла, что он рассказывает ей обо всем этом посреди леса, в ожидании эльфийского принца. Так что, если Бен хочет стать нормальным, ему надо бы получше стараться.

Ветер снаружи яростно терзал кроны деревьев. Внезапно Хэйзел услышала слабые отголоски музыки.

– Слышишь? – спросила она брата.

Бен уставился в том же направлении, что и она.

– Завтра полнолуние.

Каждый, кто вырос в Фэйрфорде, знал, что в полнолуние, а также в ночь до и после него лучше держаться подальше от леса – чтобы не навлечь на себя беду. В эти ночи Ольховый король пирует; и каждая русалка, пикси и сильфида, каждый домовый, водяная ведьма, леший и древесный дух приходят, как бы далеко они ни находились, чтобы водить хороводы и веселиться до рассвета.

Если, конечно, Ольховый король не слишком занят охотой на рогатого мальчика, чтобы устраивать гулянки. Может, это не пиршественная свирель, а охотничий рог.

Они просидели под холодным дождем два часа. В конце концов музыка стихла.

Бен зевнул и прошелся пятерней по вымокшим огненным волосам. Веснушки отчетливо выделялись на побелевшей от холода коже.

– Не думаю, что он вернется. Что же нам теперь делать?

– Можем что-нибудь ему оставить, – предложила Хэйзел после секундного замешательства. – Мы могли бы раздобыть ему еды и... я не знаю... какой-нибудь одежды. Чтобы он понял, что нам можно доверять.

Бен фыркнул.

– Можно, конечно. Не знаю, правда, предпочел бы я фуфайку расшитому камзолу – сколько бы в нем ни проходил. Хотя идея хорошая. Надо показать, что мы друзья и не представляем для него опасности. Чтобы он не испугался.

– Думаешь, он испугается? – Хэйзел наконец заставила себя подняться и направилась к дверному проему. Бен все еще стоял, подпирая грубую, поросшую мхом каменную стену.

– Я бы испугался, – просто ответил он.

Хэйзел вскинула брови:

– Не думаю, что он такой же, как мы.

Бен покачал головой и улыбнулся.

– Давай просто сходим и принесем все, что нужно.

Хэйзел порылась в рюкзаке, вырвала из тетради листок и написала:

Привет. Мы Хэйзел и Бен. Мы скоро вернемся и принесем тебе еды и всего такого. Возьми, что захочешь. Мы не просим ничего взамен. Просто рады, что ты проснулся.

На обратном пути они не разговаривали. Хэйзел мысленно прикидывала, что собрать рогатому мальчику: три сэндвича с горчицей и чеддером (завернуть в фольгу), банку колы, термос с кофе (побольше молока и сахара) и два батончика мюсли. Потом она вспомнила, что где-то на чердаке валяется старый спальный мешок; тоже сгодится – если не заплесневел и не изъеден молью. Бен может расстаться с какой-нибудь своей одеждой, а у папы есть старые армейские ботинки, по которым он точно не будет скучать. Получалось довольно скромное подношение эльфийскому принцу, но что еще они могли ему предложить?

Бен вывел «Фольксваген» на дорогу. Была всего половина четвертого. Джек подждал их на крыльце, приветственно подняв руку. Дождь перестал, но трава все еще поблескивала искрящимися каплями.

Бен опустил окно.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он. – А как же запрет помогать?

– Не помогать, а просто предупреждать, – возразил Джек, и его глаза – на фоне темной кожи и темных волос – вспыхнули особенно ярким серебром. – Я же хожу к вам в гости по обычным дням. Так что решил сделать вид, что сегодня обычный день.

Хэйзел вылезла из машины.

– Нашли что-нибудь? – спросил Джек, явно надеясь услышать отрицательный ответ.

Бен пожал плечами:

– Может быть.

– Я просто хочу, чтобы вы уяснили, – сказал Джек, обернувшись к Хэйзел, но давая понять, что обращается к ним обоим. – Его пробуждение – не случайность. И что бы ни произошло дальше, это тоже не будет случайностью.

– Не имеет значения, – заявил Бен, направляясь к дому. – Мы все поняли, окей? Страсти и прочие мордасти.

Дверь захлопнулась у него за спиной.

– Что с ним? – удивился Джек.

– Влюбился, – ответила Хэйзел, заставив себя улыбнуться. Она тоже удивилась, что Бен оказался до такой степени безразличен к предупреждениям.

– Вы все, – тихо пробормотал Джек, как будто самому себе. – Весь город влюбился.

Хэйзел вздохнула:

– Пойдем. Поможешь мне с бутербродами. Я и тебе сделаю.

Он не стал спорить.

На кухне Джек нарезал сыр, а она намазала на него горчицу. Тем временем Бен просматривал свою одежду, подбирая что-нибудь, что оказалось бы впору рогатому мальчику. Выбор пал на серую толстовку с капюшоном, пару джинсов и две пары черных боксеров. Каждый предмет он принес на кухню и заручился одобрением сестры и друга.

Хэйзел нашла на чердаке спальник и ботинки и встрясла всех пауков на лужайку. Они заварили кофе, добавили сливки и сахар и наполнили рогатому мальчику большую кружку-термос, а себе – по маленькой. Затем Бен аккуратно сложил подарки в корзинку, добавив к ним батончики мюсли, газировку, коробок спичек, который Джек аккуратно завернул в пакет, и мешочек крендельков.

Когда они втроем зашли в разрушенный дом, на столе больше не было золотого кинжала. Рогатый мальчик приходил, но снова ушел.

Записка тоже исчезла.

Глава 7

Одаренный – так называли Бена с тех пор, как эльфийка прикоснулась к его лбу, на нем расцвела красная отметина, и он вернулся домой, способный слышать и сочинять зачарованную музыку. Одаренный – когда на детской гавайской гитаре он сочинял песни, которые не мог повторить ни один взрослый. Одаренный – когда он так выстукивал мелодию на ксилофоне, что приходящая няня не могла сдержать слез. Одаренным называла его сестра, когда он околдовывал фей в лесу и спасал ее жизнь. И, возможно, также обрекал на неудачу.

Но его пугали собственные способности. Потому что они не поддавались контролю.

Их непутевые родители могли забывать вовремя оплачивать счета, покупать еду или продлевать водительские права – но всегда помнили об искусстве. На обед они не готовили ничего, кроме кукурузных хлопьев и яиц вкрутую, не удосуживались подписывать разрешения на экскурсии, не следили за режимом – но точно знали, что делать с музыкально одаренным ребенком. Они позвонили кому следует, и к тому времени, как Бену исполнилось двенадцать, а Хэйзел одиннадцать, получили рекомендательное письмо в какую-то безумно крутую школу, где Бен мог бы «реализовать свой потенциал». На прослушивании его игра на целых полчаса заворожила приемную комиссию – все это время восхищенные учителя сидели, замерев. Вечером Бен рассказал Хэйзел, как ему было страшно: будто он играл в комнате, полной мертвецов. Как только мальчик закончил, они словно ожили и сказали, что он восхитительно играет. А ему было так тошно...

Но он почувствовал себя еще хуже, когда мама с папой признались, что не могут его туда отправить – нет денег. Он никогда ничего не хотел сильнее, чем учиться в этой школе. Каким бы странным ни было его прослушивание, Бен понимал, что научиться музыке – единственный способ управлять своей магией.

Когда месяц спустя – Бен уже думал, что про него позабыли, – пришла стипендия, ему показалось, будто он выиграл в лотерею. И когда вся семья отправилась праздновать событие мороженым, мальчик на радостях слопал и свою порцию, и у сестры половину отъел.

Бен ликовал не только потому, что поедет в фантастическую школу учиться музыке. Он был счастлив покинуть Фэйрфорд. Мальчик боялся, что Хэйзел пострадает – да так, что никогда не оправится, – и это будет его вина. Он до сих пор помнил, каким неуязвимым себя почувствовал, когда понял – его музыка сковала водную ведьму, и как удивился, увидев сестру с мечом. Он понял: они рождены стать героями. Но, если честно, охотиться на фей было страшно. И хотя он нашел повод для перерыва, это был лишь вопрос времени: однажды Хэйзел надоеет его ждать, и она выйдет на тропу войны одна.

* * *

Папа сдал в аренду дом в Фэйрфолде, и они сняли дешевенькую квартирку в Филадельфии, куда с трудом влезли даже самые необходимые вещи. Хэйзел там не нравилось – совсем. Не нравилось, что через стены слышно соседей. Не нравилось постоянно чувствовать себя уставшей, хотя мама говорила, будто это все переходный возраст, и он когда-нибудь закончится. Не нравился шум города, запах выхлопных газов и вонь мусора, гниющего под окнами. Не нравилась школа, где новые «друзья» тут же начинали ржать, стоило только заикнуться про фей. Не нравилось, что нельзя побродить в одиночестве. А сильнее всего не нравилось, что она больше не рыцарь.

Заклячая сделку, Хэйзел полагала, что поедет только Бен, но никак не она. И уж тем более не предполагала, что поедет вся семья.

– Подумай о еде, которой сможешь полакомиться, – предложила мама, явно вспоминая, как ходила в свои любимые рестораны, когда училась в Школе изобразительных искусств. – Сначала мы закажем суп фо, а следующим вечером – тако, а потом – ферментированный хлеб с дородо ват...

Хэйзел скривилась:

– Даже пробовать не хочу. Я вообще понятия не имею, что это такое.

– Тогда подумай о брате, – совсем не строго сказал отец, взъерошив волосы дочери, будто считал ее милым несмышленышем. – Ведь ты бы хотела его поддержки, если бы сама следовала за мечтой?

– Моя мечта – вернуться домой, – заявила Хэйзел, скрестив руки на груди.

– Просто ты еще не нашла себе дела по душе, – улыбнулась мама.

Хэйзел-то нашла.

Только не представляла, как это объяснить.

«Это неправда, – хотелось возразить ей. – Мне по душе убивать чудовищ». Но маме не стоит об этом знать – да и вообще, глупо о таком рассказывать. Мама может ужаснуться или испугаться. Может начать следить, куда ходит и что

делает дочь. Кроме того, так сладко хранить все в секрете... Ей нравилось думать о нем почти так же сильно, как чувствовать тяжесть меча в руке.

И если какая-то часть Хэйзел желала, чтобы родители защитили ее от необходимости убивать чудовищ, другая ее часть знала: это невозможно. Не то что бы папа с мамой ее не любили, просто не обращали внимания на многие вещи. Иногда – очень важные.

Они прожили в Филадельфии два года. Бен учился играть на всех подряд музыкальных инструментах (даже на рюмках и тубе) в школе своей мечты, а у Хэйзел появилось новое хобби – разбивать сердца.

Хэйзел была не самой лучшей, но и не самой худшей ученицей в классе. Возможно, она бы добилась успехов в спорте, но даже не удосужилась попробовать. Зато записалась на курсы самообороны и ходила на них после школы – отрабатывать приемы боя на мечах, которые учила по видео на Ютубе. Но в двенадцать девочка выяснила, в чем была хороша как никто другой: она могла заставить страдать любого мальчика.

Она смотрела на них и улыбалась, если они ловили ее взгляд.

Накручивала огненные локоны на палец и покусывала губу.

Подпирала грудь рукой или партой, или одним из тех ярких шелковых бюстгалтеров на косточках, которые уговорила купить маму.

Она плела всем и каждому, что у нее постоянные проблемы в школе: один или два раза это было правдой, а потом ее просто понесло.

Флирт для нее ничего не значил. У Хэйзел не было ни плана, ни цели. Просто что-то вроде самовыражения: способ быть замеченной там, где так легко превратиться в невидимку. Она никому не хотела делать больно. Хэйзел даже понятия не имела, что такое вообще возможно. Ей было двенадцать, она скучала и действительно не отдавала себе отчета в том, что делает.

Пока она флиртowała, Бен впервые влюбился – в мальчика по имени Керем Аслан. Они встречались каждый день после школы: шептались, делая уроки,

украдкой целовались, когда думали, что на них никто не смотрит. Иногда Бен играл Керему отрывки из своих новых незаконченных песен, хотя раньше показывал их только Хэйзел. Она до сих пор помнила, как увидела Бена, выводящего имя возлюбленного на руке мокрым пальцем. Аслан, как лев из Нарнии. Керем действительно был немного похож на льва: золотисто-коричневые глаза и грива черных волос.

Раньше у Хэйзел с Беном все было общее, теперь же их почти ничего не связывало. Разные школы, разные друзья, разные истории; разное все. Хэйзел чувствовала себя несчастной, а Бен еще никогда не был таким счастливым.

А потом семья Керема обо всем узнала. Его родители позвонили папе и разговаривали так грубо, что он бросил трубку. Бен плакал за кухонным столом, уткнувшись лицом в сложенные руки, и неважно, сколько раз папа обнимал его и обещал, что все будет хорошо.

– Не будет, – шептал Бен, повторяя, что его сердце разбито навсегда.

На следующий день в обед Бен написал Хэйзел, что Керем избегает его и рассказывает гадости их общим друзьям. После школы девочка не пошла домой – решила зайти за братом. Хэйзел знала, что последним уроком у него было долгое индивидуальное занятие игры на флейте. После они могли бы пойти поесть мороженого с эспрессо – вдруг это бы его приободрило?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/holli-blek/samaya-temnaya-chascha/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Имеется в виду город Остин в Техасе, «столица летучих мышей». Здесь и далее прим. переводчика.

2

Имеется в виду песня «Time of No Reply» английского певца и автора песен Ника Дрейка (1948–1974).

3

Главный герой американского мультипликационного сериала «Хи-Мен и властелины вселенной».

4

CBGB – музыкальный клуб, существовавший с 1973 по 2006 год на Манхэттене.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/holli-blek/samaya-temnaya-chascha-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)